

Хайдар

Осенние
странствья

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2013

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
X 15

*Автор выражает благодарность друзьям,
помогавшим издать эту книгу:
«Спасибо вам, друзья, пришедшие на зов –
не телефона, не письма, а сердца!»*

Хайдар (Бедретдинов Х.С.)

X 15 Осенние странствия. Стихотворения. М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-91366-682-6

В книге не только красочные картины времён года, не только увлекательные странствия по географическому пространству, но и полёты души в духовных философских сферах.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-91366-682-6

© Бедретдинов Х.С., 2013
© ИПО «У Никитских ворот»,
оформление, 2013

...МНОГООБРАЗНА И ЕДИНА, КАК НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

У каждого из нас осень – своя. У одних она похожа на ту, что запечатлена замечательными мастерами слова и кисти, в частности, Александром Пушкиным, Александром Блоком, Сергеем Есениным, Исааком Левитаном... Другие находят в ней черты и приметы, которые близки им в определенный период их жизни, а потому будоражат чувства, создают настроение. Вот и Хайдар видит осень по-своему и воспевает ее собственным голосом, окрашенным неповторимой интонацией.

Его «осенние» стихи певучи и проникновенны. Капризное, с переменчивым характером время года предстает на страницах сборника чередой неповторяющихся образов, красочных описаний. Но не только: стихи преисполнены философских размышлений, раздумий о жизни и, конечно, о любви. По-другому и быть не может, поскольку, по словам поэта, осень «многообразна и едина, как настоящая любовь», а значит, каждый ее день неизбывен и неповторим.

Судя по тому, как много замечательных стихов Хайдар посвятил осени, она занимает в его жизни особое место. Бесспорно, муза, а может быть, и ангел-хранитель, который сопровождает человека всю его жизнь. Как бы там ни было, уверена: читатель не останется равнодушным и каждый найдет в стихах образ, близкий ему.

Вторая тема книги, органично дополняющая первую, осеннюю, приглашает нас в путешествие по городам и странам, где побывал Хайдар. И здесь впечатляют наблюдательность автора, свежесть образов и красок. Особенно хочется отметить разнообразие стихотворных размеров. Хайдар, обладая абсолютным музыкальным слухом, уловил ритмы, вибрации, присущие каждому конкретному месту, и сумел «перенести» их на бумагу. В результате у читателя создаётся зримый объёмный облик описываемых мест, появляется эффект собственного присутствия в этих краях.

Закрыв последнюю страницу сборника, понимаешь, что автор подарил нам прогулку по интересным уголкам Земли, по аллеям судьбы, по тропинкам чувств. Прогулку познавательную и в какой-то степени поучительную и главное, эмоционально окрашенную настолько, что хочется повторить за Хайдаром: «И в шепоте листвы, и в свисте ветра/ Порой слышны как будто – соловьи./ Пусть в нашей жизни длится бабье лето,/ как лето неоконченной любви».

*Алевтина Гришина,
заслуженный работник печати
Московской области*

ЛЕСНАЯ ЯРМАРКА

Здравствуй, ярмарка лесная!
Красных листьев перепляс!
Осень – площадь расписная
В этот ярмарочный час.

Ветерочки-зазывалы
Дорогой товар сулят:
«Заходи, народ бывалый,
В наш лесной торговый ряд!»

Вот вам – ветки кружевные,
Вот чеканка – листьев медь,
Белка ягоды лесные
Разложила, словно снедь.

Продают сегодня пчёлы
Из долблёной бочки мёд.
Мишка, платой недовольный,
На всю ярмарку ревет.

Плут-паук, как на продажу,
Поразвесил свой гамак,
Коль смекалка не подскажет,
Попадается простак.

В шубе пышной павой стройной
Ходит ель – кедрова дочь.

Пред боярыней лесною
Все скидают шапки прочь.

Вдруг зимы глашатай – ветер
Налетел под жуткий свист.
Сдул он все корзинки, снеси,
Оборвал последний лист.

Рассыпает дождик звоны,
Утихает буйный пляс.
Нету ярмарки... Червонцы
Мокнут, втоптаные в грязь.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Миг приходит – и нам тесно
Так привычное пространство.
И поёт зазывно песню
Ветер странствий, ветер странствий.

Копим знания, опыт, деньги,
Привыкая к постоянству.
Ты зачем привнёс сомненья,
Ветер странствий, ветер странствий?

Но когда за горизонтом
Новой жизни скажешь: «Здравствуй!»
Даст ответ на все резоны
Ветер странствий, ветер странствий.

ПОЛЁТЫ ОСЕНИ

Осень – время перелётов:
Птицы – в тёплые края,
По маршрутам – самолёты,
В зрелость – молодость моя.

К грусти – светлые раздумья,
Солнце – в звёздную семью,
Тонкий месяц – к полнолунию,
Моё сердце – к твоему.

А когда пластины-листья
Вмёрзнут в луж янтарный лёд,
Это значит – осень-птица
Завершила свой полёт.

ПОКРОВ НА НЕРЛИ

Нежданно вдруг покрыло землю снегом,
В покрове этом – холодок и нега.
Осенняя горит на нём листва
Погибшей фреской храма Покрова.
Храм Покрова на взгорке – словно птица,
Отставшая от стаи голубица,
Отставшая почти на тыщу лет,
Чтоб предков донести до нас привет.
Вослед векам вытягивает шею
Застывшая в разлуке ворожея,
Задумчивая чистая княжна,
Как сахар, белолица и нежна.
Меж облаков летит в воображеньи,
Своё в пруду увидев отраженье.
Лучи перебирая, старый вяз
Седых веков ведёт неспешный сказ.
Кто зодчий твой?
И как в твоём обличи
Он совместил и скромность, и величье,
И радость удивления, и грусть,
И всю, как есть, – за все столетья Русь,
Грешков, себе прощённых, осужденье,
Грехов, томящих мукой, отпущенье.
И, утверждая равным меж людьми,
Моим противоречьям дарит мир,
Душе даёт для осмысленья пищу.
Уходишь со свиданья сердцем чище.
И благодарно вырвутся слова:
«Спасибо тебе, чудо Покрова!»

ЖУХНУТ ЛИСТЬЯ

Жухнут листья.
Паутинки
Тихо дремлют на ветвях.
И колеблются грустинки
В голубых твоих глазах.

Эта грусть не роковая,
Не утрата тишины:
С чем-то, новь приобретаая,
Расставаться мы должны.

Это, может, грусть по детству,
Что уходит с каждым днём,
Это – вздрогнувшее сердце
Перед зрелости огнём.

Это то, что очень свято
В своем сердце бережешь
И однажды без оглядки
Всё до капли отдаёшь.

Лес – невестой на картинке –
В первых снежных кружевах.
И колеблются грустинки
В голубых твоих глазах.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Господин Великий Новгород,
Нынче бьёт тебе челом
Племя новое да гордое,
Сняв военных лет шелом.

Пусть растёт благоговение
Пред твоею сединой.
Все одной цепочки звенья мы
На покатости земной.

Господин Великий Новгород
На своём веку видал
Много недругов и врагов,
Да не всё нам рассказал.

Полон ты ещё загадками,
Скрытых в башенках кремля,
И ведут ступени шаткие
Вглубь бывшего бытия.

Господин Великий Новгород,
С грозной башни вечевой
Звал ты Русь над речкой Волховом
На священный ратный бой.

Нынче сказкой златоглавою
Ты сердца берёшь в полон.
За твои свершенья славные
До земли тебе поклон.

СТРЕЛЫ АМУРА

Огненными стрелами Амура
Будит осень сердце трубадура
И сама выходит на крыльцо
Храма красоты высокой жрица,
Зазывает в круг повеселиться,
Дёргает души моей кольцо.

Снова всеми красками играешь,
Снова мои чувства разжигашь,
Хоть влюбляться зарекалась впредь.
Ждёшь меня и радуясь, и мучаясь,
Наперёд угадывая участь,
Понимая, что любить – сгореть.

Сокрывая горечь и обиду
Краской клёна, красотой рябины,
В жёлтом вихре скорых перемен,
От любви нахлынувшей сгорая,
Жертвуешь собою, дорогая,
Ничего не требуя взамен.

В ПУТЬ

Тоска по не взятым высотам
И зов недоступных вершин –
И пища уму, и работа
Порою на год не один.

Целинные залежи знаний,
Открытья, что нас ещё ждут,
Толкают в порыве дерзання
Забросить нажитый уют.

Хоть звёзды и недостижимы –
С небес не дано их хватать,
И всё же иным одержимым
На них удаётся бывать:

Мечтой или взглядом пытливым,
Умом, проникая в их суть.
Чтоб стать попытаться счастливым,
Скорей – отправляемся в путь!

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Утро забросило солнечный невод,
Цветом украсив малиновым небо,
Пращура имя шепча под улов.
На удивление веси и мера
Лебедем белым над озером Неро
Встал-народился былинный Ростов.

Грудь украшая узорочьем дивным,
В озере ликом любуясь красивым,
Звоном играючи колоколов,
Правя по Мудрому и Долгоруко,
Стал господин на большую округу –
Молод, во славе и златоголов.

Всякая граду досталась доля:
Годы взлетали – как коршун, как голубь:
То торговал, то ходил на врагов,
Меч и огонь, и предсмертные крики, –
Всё испытал, прежде стал он Великим –
Данник и ратник, и пахарь – Ростов.

Жаркие схватки не надолго стыли...
Мирные дни – словно райские были:
Слава князьям! И крестьянам хвала!
Пахарь с землёю сдружились крепко:
Лук выросстал большеглавый и репка –
Что золотые церквей купола.

Сколько веков унесло свои стоны...
Смолкли всемирно известные звоны –
Мало, кто слышал из нынешних их.
Город живёт, обедняя не по праву,
Как подаяньем – минувшею славой.
Дремлет Ростов – незаносчив и тих.

Кремль, облепленный роем избушек,
Будто бы всплывший корабль в ракушках,
Терпит туристов, смирясь, суету.
Озеро спит, закосмадившись тиной,
А по воде по обличью старинный
Чёлн на бензиновом мчится ходу.

ЛИСТЬЯ ГОРЯТ

Листья горят,
Сладко дымят,
Стелется дым низко-низко.
В кучах лежат,
Долго горят,
Словно чужие записки.
Был ли гоним,
Был ли любим,
Что там, на донышке сердца –
Всё мне расскажет, всё вспомнит дым
С запахом сладкого детства.

ГОРОД

Золотятся у «Фрола и Лавра»
Тополя в отраженьи крестов.
Город, где твоя добрая слава?
Где наследство святое отцов?

Где исконная кротость и честность?
Где открытость сердец и дверей?
Где над речкой гулянье и песни
Заработавших праздник людей?

Любо было и меткое слово,
Честный труд и загул озорной,
Если даже и праздник церковный
В слободе выпадал «kozyрной».

Жизнь такая давалась недаром...
Сколько их – молодых-удалых,
Вражьих сил отразивших удары,
Поселилось в могилах сырых!

Нынче – мир: голубиные стаи,
И такие, что ахнешь, дела,
Но засовы, замки не спасают
От нашествия кривды и зла.

Во спасение – нравы, как храмы,
Оживить норовим из руин.
Если ж Правду не выручим сами.
Не поможет отец Константин...

ОСЕННИЙ ХРАМ

Готовя всё живое к летаргии,
Звучит дождей протяжных литургия.
И, сбрасывая мелочности хлам,
Молясь стихом, вхожу в осенний храм.

Накопленные в дрязгах будней стрессы
Палитры звучной утишает месса.
К природе с карой городских седин
Я возвращаюсь, словно блудный сын.

Мозаика листвы слагает фрески,
На миг запечатляя арабески
То нежным ренуаровским письмом,
То плоти яркой Рубенса теплом.

Пожухший лист свернулся, как папирус:
В прожилках – миф о сотвореньи мира.
Напоминают благостные дни
Счастливый рай, потерянный людьми.

А листьев лава – в красочном безумьи,
Как будто извергал их сам Везувий,
Под взвизги ветра шальные не прочь
Разыгрывать Вальпургиеву ночь.

Златоволоса, совершенства мера –
Берёза – белотелая Венера.
Мадонны три являют ясность лбов:
Надежда, Вера, чистая Любовь.

Скорбя и плача, косы распустила,
Склонилась ива, словно Магдалина.
Степенно шелестение дубов,
Как поклоненье Осени волхвов.

Являет осень жертвенность Марии,
Себя сжигая, с красотой нас мирит.
Стволы злачёных сосен чинно в ряд
Окладами апостолов горят.

С кровавой меткой листьев на запястьях,
В изломе, клён – ещё живой в распятии.
Над срезом пня, румянец свой не скрыв,
Стоит осина – юная Юдифь.

Царицей Савской – в золоте с рубином –
Гордыню не смирившая рябина.
И золушкой средь буйства красок ель –
Ей феей будет доброю метель.

Набухли почки, в оттепель поверив,
И шепчутся – что тайная вечеря.
Но серебром иудиным мороз
К утру застудит искренность их слёз.

Наивность, доброту их – прямо в сердце,
Подобно избиению младенцев.
Не ханжество ли после вопрошать:
Что молодость перестаёт дерзать?

Добро взойдёт, но слабо утешенье
Возможного порывов воскрешенья,
Когда за смелость с паперти корит
Душитель, что под ликом святца скрыт.

И листья оборвёт зима, как жизни,
И вьюгой дикой отыграет тризну.
Ну, а пока – затишье, нега, лень,
Как будто не придёт последний день.

Живое завершается круженье...
Прощанье и прощение. Успенье.
И вот – уже дымы,
И листья жгут,
Как будто бы – последний страшный суд

Над тем, что в жизни много боялся,
Над тем, что не во всём я состоялся,
Над тем, что часто золотые дни
Менял я на бумажные рубли.

Весной родятся новые миры,
Других волхвов – другим Богам дары.
Природа чертит круг неумоимо,
Но что-то для меня неповторимо.

СВЕТ КАШИРЫ

Из Зарайска ли едем под мелким дождём,
Из-под Тулы, ещё ли откуда,
По Оке ли, петляя, к Кашире плывём –
Каждый раз вновь встречаемся с чудом:

В чёрных тучах просвета и с блюдечко нет.
Мгла, кажись, целый мир заслонила,
Но над городом – свет, над Каширою – свет:
Держит купол небесная сила.

Видно, место благое – и в этом секрет –
Бог за труд и терпенье отметил.
Освещает нам жизнь путеводный тот свет
Многотрудных простых семь столетий.

Это свет всех времён от рыбацких костров,
Отсвет горнов пушкарских на лицах,
Отблеск первых лучей на секирах стрельцов,
Искры песни душевной ямщицкой.

Свет хрустальной водицы живых родников,
Войн зарницы и памяти жженье,
И свеченье молитв, и салют куполов,
ГРЭС атлантово сверхнапряженье.

Нынче свет над Каширой заметно померк...
Где сиянье имён знаменитых?
Где огни катеров, покидающих верфь?
Где гуденье печей Центролита?

А останется ль свет хоть какой после нас,
Чтоб могли им душою согреться,
Как целебным лучом бабы Дуниных глаз
И огнём дяди Колина сердца?

Без надежды на завтра и радости нет.
Бог не даст нам креста не по силам.
Над Каширою свет сотни, тысячи лет
Пусть горит для людей негасимо!

ДАНАЯ

Всё мне чудится, что знаю,
И не раз встречал в пути
Чудо-женщину Данаю,
Эту осень во плоти.

Хоть и холод, не одета –
Разыгралась, видно, кровь.
Что же делать: бабье лето,
Не последняя ль любовь?

Щёки клёнами пылают,
Значит очень сильно ждёшь.
Зазвенел подарком тайным
Золотой осенний дождь!

ЗАРАЙСК

Стражи столицы – Зарайск и Кашира.
Дети московские: брат и сестра,
Корни пустили над окскою ширью
И на крутом берегу Осетра.

Много изведено горя Зарайском,
Крови пролито своей и врагов.
Подвиг смертельный княгини Евпраксии
В памяти светел во веки веков.

Крепко защитники бились за волю,
Хоть от набегов стонала земля:
Грозной Орды разбивались волны
О неприступные стены Кремля.

...Будто бы, сам Николай-чудотворец,
Чудо являя, открыл над рекой
Белый колодец, Белый колодец,
Белый родник со святою водой.

В смутные годы Русь-матушка мечется:
Голод, безвластье, порушенный кров.
Дмитрий Пожарский – спаситель Отечества –
С Мининым вместе изгнали врагов.

В мирные годы – богатый купеческий,
С дивной аркадой торговых рядов –
Город умельцев, ремёсел извечных,
Пахарей, воинов и рыбаков.

Только, захватчики снова и снова
Мирной страны нарушали покой.
Улицы конницу помнят Белова,
Освобождённые в день роковой.

Сколько творцов, коим дорого-любю
Райское место, воспели в стихах.
Образы мощных творений Голубкиной
Здесь зарождались, в Зарайских краях.

Смута опять над Россией, Зарайском.
Тёмные силы – над нами опять.
Где же ты, новый спаситель Пожарский?
Время— духовную рать собирать.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Барабанит дождь по крыше
То погромче, то потише,
Строчит строчку из письма,
Что грядёт опять зима.

То затихнет, станет легче:
Не звенит уже, а шепчет,
Вспоминая дни свои,
О потерянной любви.

Выбивает дождь морзянку,
Оттого на сердце зябко –
В ней услышать можно SOS!.
Плач о том, что не сбылось.

ОСЕНЬ В АБРАМЦЕВО

Перемешаны краски волшебной рукой –
Вряд ли в тайной красе разобратся мне.
Словно щедрой природы ларец дорогой –
Заснежённая осень в Абрамцево.
На деревьях одет небывалый наряд –
Мы глядим и молчим зачарованно:
Золотые берёзы на солнце горят
Серебром кружевным окантованы.
Нас куда-то ведёт под серебряный свод
Золотая с грустинкой аллея.
Листья-деньги швырял здесь неслыханный мот,
В сундуки превращая скамейки.
Липы рыжие кроной, как гривой трясут,
Словно кони в серебряной сбруе.
Я коней запрягу и тебя унесу
Сквозь берёзок летящие струи.
В тусклом золоте свеч и старинных картин
Отсвет осени дальней-далёкой.
Жилка каждая в листьях свято хранит
Чьих-то судеб случайные строки.
В расписном сарафане осенней листвы,
Первым снегом слегка припорошена,
У пруда молодая березка грустит,
Как по братцу сестрица Алёнушка.
Лес в ярчайших тонах напоследок цветёт,
Все исполнено света и грации.
Васнецовской картиной из снега встаёт
Серебристая осень в Абрамцево.

МЫТИЩИ

Благодарим тебя, Всевышний,
Что в меру сил нам угодил –
И это празднество в Мытищах
Однажды нам ты подарил.

В светёлку с крышей черепичной
Глазеет стужа сквозь стекло,
Но согревает нас в Мытищах
Друзей сердечное тепло.

Дают нам щедрые Мытищи
Своим широким жестом впрок
И – после города – затишье,
И солнца с воздухом глоток.

Лыжня петляет по Мытищам.
И удивляет нас не раз
Пушистых сосен красотища –
Неповторимый зимний сказ.

Спасибо, добрые Мытищи,
За ненавязчивый приём,
Душой и телом стали чище
Твоим калёные огнём.

В душе когда-нибудь отыщем
Средь череды приметных дней
Поездку светлую в Мытищи
И вдохновенный круг друзей.

За вдохновение – пол тыщи!
Опять влюбился – значит жив.
Я благодарен Вам, Мытищи,
За этот свежих чувств прилив.

И бередят четверостишья
Гитару старую мою.
Готов служить я Вам, Мытищи, –
У Вас под окнами пою!

ПАРАД

Глянь – как яркок осенний наряд!
Глянь – как щёки смущённо горят!
Что – скажи мне – сегодня за радость,
Если все разодеты, как в праздник?

Это что вдруг за новая мода
Появилась у нашей природы:
Цвет привычный свой ярко-зелёный
Поменяли на красный все клёны.

Это как-то нелепо, нескромно
Всем ходить с ярко-рыжею кроной.
Праздник осени – бал-маскарад,
А в зелёном идут на парад.

СОН О ЦАРИЦЫНЕ

Под Москвою, на Крымской дороге,
У студёной зимы на пороге,
У Царицынских светлых прудов,
Заглядевшись на рук своих дело,
Как Алёнушка, осень присела,
Задремала, устав от трудов.
Что же ясной красавице снится?
Недостроенный замок Царицын,
Словно радуга, выгнутый мост...
Может, парк с итальянской картины,
Живописных беседок руины,
Чудо – башенки, ставшие в рост?
Пред Василием, молча, Блаженным
Долго стаивал зодчий Баженов,
Сердцем силясь постичь красоту.
Так и вынул бы, кажется, душу,
Восхищаясь иною церквушкой,
Удивляясь иному мосту.
Он с какою-то огненной страстью
Здесь, в Царицыне, складывал сказку,
Воплощал вдохновенно мечту.
Заиграли кремлевские краски:
Белых кружев узоры – на красном –
Согревающих взор за версту.
Как горька до мороза рябина,
Словно зодчего горе-обида...
Не его, не его то вина,
Что и в оперном доме, и в зале,
Где ни разу и не танцевали,
Надмогильно растёт бузина.

Осень цветом дворца красит клёны –
Стоит раз увидеть – и влюблён ты.
Отчего же непрошенность слёз?
Перед этой мечтою разбитой
И свои вспоминаешь обиды,
И про то, что рвалось, не сбылось.
Спросишь сердце, с собою короче:
«А каков ты, судьбы своей зодчий,
Начинаний своих господин?»
В чём-то, может быть, жил наизнанку,
Часто строил воздушные замки,
От которых нет даже руин.
У прудов над туманною дымкой
Просыпается осень с улыбкой.
Век ли, два ли спала? Наяву
Стиль художника, вскормленный Русью,
Переняло потомков искусство –
Значит зодчего сказки живут!
Не кремлевская ль башня и залы
В наши дни поднялись над вокзалом? –
Белый с красным сплелися хитро.
Своды сочной глазурью облиты –
Не палаты ли то грановитой? –
Украшают сегодня метро.
Как на праздник, украсив столицу,
Покидает нас осень-царица,
Обещая свидания вночь.
Над прудами стоит на пригорке
Дивный памятник – страстная, горькая,
Не умершая в сердце любовь.

ДЕВОЧКА-ОСЕНЬ

Что-то ты присмирела,
Сердце мёрзнет в груди.
Холод долгий и белый
Ждёт тебя впереди.

Не вчера ли ты пела,
Баловалась с огнём,
Своё юное тело
Не жалела ни в чём.

Ты беспечно кружилась –
Не вернуть этих дней.
Словно хрупкие жилы,
Контур голых ветвей.

С плеч упали наряды,
Блеск вчерашний – зола...
Не под тёплым ли взглядом
Ты красивой была?

Знаю: холодно очень
Без меня в пустоте.
Плачет девочка-осень
О былой красоте.

БЕЛАЯ СКАЗКА

Мечутся годы под парусом
Чёрным разбойным в крови,
Рушат и рушат безжалостно
Детские сказки мои.
Жизнь потопила по омутам
Очарований красу.
Только осталась нетронутой
Зимняя сказка в лесу.

Здравствуй, моя белоснеженка,
Здравствуй, моя любота!
Скроет меня, словно беженца,
На день твоя красота.
Стоит легонько прищуриться,
Сразу почудится мне:
Ель – многолапое чудище –
Катит по снежной волне.

Тонко подвески хрустальные
В косах берёзок звенят.
Золотом чистым сусальным
Сосны на солнце горят.
Все прегрешения старые
Я отпускаю всерьёз
Под триумфальной аркою
Согнутых в дуги берёз.

Сердце исхлещется ливнями,
Но сберегу тебя я,
Сказка ты неторопливая,
Белая сказка моя.

КУПАВНА

Что-то сердце защемило у Щемилово.
Сердце в грусти искупалось у Купавны.
Не буди воспоминанья, осень милая,
Золотою не пои меня отравой.

Нёс я в дом добро и мир, не сеял бурь я,
Был я в жизни прошлой не последней скрипкой.
Почему же хладнокровно моё будущее
Предъявляет счёт суровый на ошибки.

Осень, осень, ты утрата, ты прекрасна.
Ждёт тебя за смертью каждой возрожденье.
Сколько лет прошло, стараний – всё напрасно:
Нет грехам несовершенным отпущенья.

Что-то сердце защемило у Щемилово,
Сердце в грусти искупалось под Купавною.
Дай мне, Бог, собраться только с силами –
Чтобы сделать эти строчки с жизнью равными.

ОСЕНЬ В ИЗМАЙЛОВО

В мире лишь синий один небосвод
И золотистая россыпь.
По лесу тихо неслышно идёт
Женщина грустная – Осень.

В мире лишь белый щемящий туман,
И на душе непонятно
Переплелись и мечта и обман,
Словно осенние пятна.

С севера зиму ветра к нам несут,
Всё в ожидании сжалось.
Словно в осеннем пустынном лесу,
Сердце моё затерялось.

Что это – бред или дум хоровод?
В сердце вопросы, вопросы.
А по Измайлову тихо идёт
Женщина грустная – Осень.

ПЕСНЯ О САЛТЫКОВКЕ

Падает снег в Салтыковке –
Снова бушует зима.
Делаем мы остановку
Здесь, позабыв про дела.
По посветлевшему лесу
Заворожённо идём.
Дарят снежинки нам песню
Всю в кружевах о своём.

Не схоронясь от погони,
Беглая речка – во льду.
Слипшийся с удочкой сонной
Мёрзнет рыбак на пруду.
Но несмотря на морозы
И не умолк, и не сник
Между корнями берёзы
Чистый целебный родник.

Как же прекрасно по лесу,
Будней прервав бурный бег,
С сыном впасть в милое детство,
Падая с хохотом в снег!
Радость вкусить, как сосульку,
В эту входя красоту,
Сбросить короткой прогулкой
С нервов своих суету.

Падает снег в Салтыковке –
Снова бушует зима.
Как на открытке заморской,
Окна горят в теремах.
Три остановки привычных
Быстро мелькнут за окном:
Нас привези, электричка,
Снова сюда с ветерком!

ВОССТАНИЕ

Быть может, осень – яркое восстание,
Природы смелой живописный бунт?
Чем в зелени болотной прозябанье –
Красивый взрыв,
А после пусть сожгут.

И пусть потом в природе будет пусто,
Восстание это пусть обречено,
Пусть, осень значит:
Грустно, очень грустно,
Но почему-то все-таки светло!

ПО ГРИБЫ

Пора грибная – страсть чудесная:
Один с природой на один,
Идёшь хозяином по лесу,
Грибов всесильный властелин.

То там поклоняешься шляпке,
Прильнёшь к красивой ножке тут.
И вот – становится понятно:
Не ты – они тебя ведут.

Ведут тебя в свой мир прекрасный,
Чтоб поделиться волшебством
Дремучих древних русских сказок
Поры былинной о былом.

То улыбаются, то плачут,
То прячутся под жухлый лист.
А ты вдвойне вдруг ставший зрячей,
Становишься душою чист.

И философски размышляешь,
Судьбу и память теребя,
Что не грибы здесь промышляешь,
А ищешь самого себя...

ОСЕНЬ-ЦЫГАНКА

Пахнет дымом, чем-то пряным,
Преддорожной суетой.
Осень – яркая цыганка –
Развернула табор свой.

Липы в шапках краснобурых
Полыхают, как костры.
Между ними ёлки, будто
Острроверхие шатры.

В круг берёзоньки – в монистах
Из листочков золотых,
И впрысядку дуб плечистый
На ногах идёт кривых.

Паутинка шалью тонкой,
Серебрясь, свисает с плеч,
И в таких рубашках клёны,
Что недолго лес поджечь.

Смотрит долгим взглядом ива,
К речке голову склоня.
Ветви свесились, как грива
Жадно пьющего коня.

Вслед за птицами, за солнцем
Осень табор повела.
Замела следы эмоций
Чья-то белая метла.

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Не проспекты – лучи, не площади
Занимают стремленья мои –
Переулки твои заполошные,
Без названий твои тупики.

Беспокойна, как вечная ярмарка,
Гомонит на всех языках
Как цыганка, живая, яркая
С Красной площадью на устах.

Как улыбки людей простецкие,
Быта прошлого автопортрет,
Смотрят тихо дома купецкие
В серых оспинах разных лет.

В петлях рек в величайшей деревне,
Среди сотен забытых церквей,
До поры заблудились шедевры,
Ожидая находки своей.

Уживается старое с новым,
Как и было во все времена,
Новосёла без тяжкого слова
Принимает в свой круг старина.

И в какие края бы ни ездил я,
Тянет к дому, как тысяча рук,
Переулков московских поэзия,
Их названий песенный звук.

ПРОВОДЫ ОСЕНИ

В мелком бисере росинок
Поседевшая трава.
Ветер пьяный, воздух винный,
И нетрезвая листва.

Это проводы лесные:
Эх, последние деньки!
Как кораблики цветные,
По реке плывут листки.

Лес в загульном опьянении
Разошелся на пиру,
Жгёт себя в самозабвении,
Уподобившись костру.

Всё горит последним цветом
Угасающей зари,
Словно песня не допетая
Обрывается внутри.

Все пируют и смеются.
И не мне лишь одному
Завтра будет очень грустно,
А сегодня – никому!

Хваля витаминность червей, коих просто навалом,
Как будто из глубины веков – голоса зазывалы.
Глядит попугай на людей и молчит очень гордо.
Щенята скулят, из-за пазухи высунув морды.

И слёзы в ответ им мальчишка зарёванный мажет,
И, взятый врасплох, лезет папа в заветный бумажник.
Каких голубей только нет: и монах, и сизарка.
Могли б позавидовать видам иным зоопарки.

Поют канарейки, рассыпавшись бисером мелким.
И крутят колеса привычно и каторжно белки.
Историй охотничьих сотню узнаешь здесь сразу,
Мюнхаузен бы лопнул, услышав иные рассказы.

При хаосе внешнем – законы блюдет свои Птичий.
И чувствует чутко поступок иной неэтичный.
Что тянет сюда тех, кто стерпит и холод и давку?
– Не ради ж того, чтобы сделать высокую ставку!
Здесь праздничный шум,
Как на ярмарках прошлого века –
Их так не хватает, наверно, теперь человеку!

ПРАЗДНИК

К нам приходит осень
С красками проказника
И с собой приносит
Ощущенье праздника.

Поджигает ветви
Огненная бестия,
И идёт по свету
Факельное шествие.

Листья по дорожкам
Под искрою росною –
Будто понарошку
Конфетти разбросано.

Листья клёна с ветром
Разыгрались в салочки
И горят, как в детстве
Петушки на палочках.

Грусть подкатит спазмой –
Верить мне не хочется,
Что и этот праздник,
Словно детство, кончится.

ПЯТИЭТАЖНЫЕ ЧЕРЁМУШКИ

Пятиэтажные Черёмушки,
О, как вы были высоки,
Когда в дома вселялись золушки,
В дверях снимая башмаки!

Пятиэтажные Черёмушки,
О, как вы были далеки:
Нехитрой мебелью гружёные
Катили к вам грузовики.

Как много строить мы умели!
Вспоминанья так странны:
Тогда справляло новоселье
Одновременно пол страны.

Пятиэтажные Черёмушки,
О, как вы стали нам близки:
Детишки – во дворах на солнышке,
А у подъездов – старики.

И вот... – кредиты, ипотеки,
Бандитско-точечный застрой –
Наживы для, не человека.
И нету радости простой.

Хоть нынче каменными кронами
Громады небо бьют под дых,
Пятиэтажные Черёмушки
Победным духом выше их!

РАСТАВАНЬЕ

Опять тоскою расстаянъя
Я с дорогими разлучён...
И, как в кино, качаясь пьяно,
Пошёл, попятился перрон.

А наши души тянут руки,
И что-то хрустнуло в сердцах:
Любви невысказанной муки
С эастывшим криком на устах.

Как много лет терзавший голод
Таких желаемых бесед
Захлёб коротких разговоров
Не смог насытить дух наш – нет.

Друзей в окне сияют нимбы,
Как звёзды дальнего пути.
И я шепчу, шепчу: «Спасибо!
И если, что не так – прости...»

ОСЕНЬ-СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦА

И опять ты пришла,
И опять ты схватила за сердце,
И опять ты, наверное, ждёшь комплиментов моих
Твоим рыжим глазам,
Твоим обнажённым коленкам.
Ждёшь, что вновь подарю
Я тебе взбудораженный стих.
Ты бесстыдства и страсти полна.
Не смотри же так, рыжая,
Что тебе – мой покой –
Для тебя ведь: «Гори всё огнём!»
Спрячусь я от тебя
Под надёжной семейною крышею,
– Может, ты не ворвёшься
В мой прочный уют,
В тихий дом.
Ты листвой зашуршишь,
Ты ударишь ветвями по форточке,
Ветерочком посвищешь,
Зальёшься зазывным дождём,
И твоя на ветру
В ярких пятнах нескромная кофточка,
Словно вымпел на мачте,
Мелькнёт-полыхнёт за окном.
И уже улетаая, слегка обернувшись, с улыбкою
На прощанье шепнёшь, прошуршишь пару слов:
«Ты покоя хотел – уплыву золотою я рыбкою,
Но ведь завтра же крикнешь:
Вернись и смути меня вновь!»

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ВЕРНИСАЖ

Вернисаж, вернисаж, мне верни!
Вернисаж, мне верни мое детство!
Ты напомнил мне яркие дни,
У которых смогу я согреться.

Заходил к нам тряпичник во двор
И менял на пустые бутылки
Пугачи и свистулек набор,
На резинках мячи из опилок,

И звенели жужжалки в руках,
Соловьи пели глиняным горлом.
И горели в мальчишских глазах
От покупок и счастье, и гордость.

Невелик моих радостей стаж,
Много горечи нажито сердцем.
Ах, спасибо тебе, вернисаж,
За привет из любимого детства.

ЗОДЧЕСТВО

Это жизнь всё только сносит –
Осень зодчества полна:
Строит осень,
Строит осень
Золотые терема.

Башни сосен островерхи,
Кровли золотом – листва.
Это – царская утеха,
Чтобы ахала молва.

Глубь небесного колодца
Пьют туманов миражи,
И играют в бликах солнца
Луж подмёрзжих витражи.

Валит ветер лес зазябший,
Подмывает корни дождь...
Но нельзя же, но нельзя же
Говорить: «Всё в прошлом – ложь...»

Были мы бедны когда-то –
Нет светлее этих лет.
На поминках стол богатый,
Только радости-то нет.

Догорает кромка леса,
Задымься сухой листвой,

Как последняя завеса
Между летом и зимой.

Между радостью и грустью,
Равнодушьем и теплом.
Смуту вносит в наши чувства
Каждый новый перелом.

Так контрастны с поджиганьем
Мирной Осени огни...
Рушит разочарованье
Веру в будущие дни.

САМОРОДКИ

Осень – щедрое раздолье –
Для старателей пора
В путь за жилой золотою,
За туманом серебра.

Лес из тысяч красок соткан,
Удивлённый в нём брожу,
Золотые самородки
Ярких строчек нахожу.

Накалят горнило чувства
Вдохновения меха –
Самородки отольются
Звонким золотом стиха.

СОН ЯМЩИКА

Рванулись так, что скрылися из виду
Орлы на башнях нового Кремля.
Поют о вознесении копыта –
Их, будто, не касается земля.
Но, но! Пошли, соколики, соколики!
Напьемся мы у Яузы-реки.
Мелькнут рядком Сокольники, Сокольники,
Подтянет нам Стромынка постромки.
Преобразившись на Преображенке,
Махните через горушку времён
Лет через триста – в царство оглашенное,
На ярмарку большую «Черкизон».
Домчали кони-звери не напрасно ли? –
Грядущему дивилися зело:
Сплошной базар, а нет товару красного –
Заморское одно лишь барахло.
И это называется – столица?
Какого государства, чёрт возьми?
И говор, и нерусские всё лица,
И русский дух не бродит меж людьми.
А ну, вертай! На что смотреть здесь боле?
Вернёмся лучше в славные года.
Знать, несмотря на «Куликово поле»,
Какая-то подмяла нас орда.
Ух, понесли – аж взмокли резвых спины.
Приснился что ли этот страшный миг?
Вернётся ли на Русь наш дух былинный? –
Гадает пробудившийся ямщик.

ОСЕННИЙ ПСАЛОМ

Осени дивной помолимся,
Сложим духовный псалом,
Истовой огнепоклоннице,
Добрую славу споём.
Красок торжественно шествие.
Стройно природа поёт.
Листья ликуют и чествуют
Праздник престольный её.
Неповторимый наряд её –
Тысячелистный салют.
Жаром деревья объятые,
Словно хоругви, цветут.
Яростная и покорная,
Ясный и искренний взгляд.
Лики ее чудотворные
Раны души исцелят.
В россыпь последнюю кутаюсь,
Прячась от всяческих бед,
Как в одеяло лоскутное
Бедных моих детских лет.
Радует роскошь без меры –
Полная чаша добра.
В ней и богатство, и щедрость,
Как бескорыстья сестра.
Вдарят морозы, и охну,
Сердце опять заболит:
Эту наивную охру
Густо снежок забелит.

ПАРАДНЫЙ ГОРОД

Привет тебе, парадный город
Великих зодчих и царей!
Приятный сердцу, мыслям, взору
В красе уверенной своей.

Широкий жест твоих проспектов,
Как приглашенье на парад –
Парад домов великолепных,
Садов, изысканных оград.

Петровский шпиль тамбурмажором
Всем задаёт высокий ритм:
Мостам, каналам и узорам
Дворцов, торжественных, как гимн.

Держа дистанцию параду,
Стоит шеренга фонарей,
И триумфальна на фасадах
Плеяда бронзовых коней.

Союз музеев уникален,
Муз вдохновенье славит их –
Парад героев легендарных:
Литературных и живых.

За Петроградом, Ленинградом
Названий замыкая круг,
Парад старушечек-блокадниц
Встречает новый Петербург.

В парадах – смотры достижений
И взгляд на прошлые года,
Парад духовности, терпенья,
Парад Великого Труда!

ОСЕННИЙ КАРНАВАЛ

Опять огнём меня околдовал
Осенних листьев яркий карнавал.
Так смело Осень наложила краски,
Что говорю: «Не узнаю Вас, маска!».

И хоть её всем сердцем узнаю,
О ней туманно дождиком пою.
Любуюсь на её густой румянец,
Как незнакомку, приглашу на танец.

В кружении спадает плащ листвы,
И с «Вы» мы переходим с ней на «ты».
Разносит ветер, запыхавшись, листья –
Смущённые любовные записки.

Расцветенные праздничные дни
Надолго зажигают в нас огни.
С горящей незнакомкой в том же зале
Жду встречи через год на карнавале.

ЭЛЕГИЯ О КИСЛОВОДСКЕ

Какие времена!
Романы и романсы
Промчались-пронеслись
В долине Алых Роз...
Строений артистизм,
И цветников жеманство.
Коварство и Любовь –
И в шутку и всерьёз.

Какие имена
Здесь некогда гремели!
Сегодняшним искусством
Так сиротлив Курзал.
О, чудный Кисловодск!
Не только вод целебных –
Источником творений
Высоких ты бывал.

Так в прошлое манят
Спиральи улиц узких.
И тайнами дыша,
Встречает поворот.
Из стрельчатых окон,
Из башен смотрят музы,
Грустя о том, что их
Никто не позовёт.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

В знаменитом Кисловодском парке
Наступает осень Патриарха...
Некий подводя в душе итог,
Памяти рождается поток.

Как-то мы с тобою пережили
Лет голодных детских наших зимы.
И протерли юности штаны
В пору быстротечную весны.

Жатвою не раз мы перегреты –
Лошади запаренного лета.
Так и поседела молодёжь
Под всегдашний лозунг тот: «Даёшь!»

Что же в мир наш внутренний приносит
Ранняя, пожалуй всё же, осень,
Если даже мелкие дела
Тащим, закусивши удила?

Эту пору ждём, не чтоб забыться,
А успеть ещё в делах раскрыться.
Есть же где-то вечная весна –
Значит, осень долгой быть должна!

ЖЕМЧУЖИНА КАВКАЗА

На юг, душою отогреться
От зим житейских – в добрый час,
Соединиться с частью сердца,
Оставленною в прошлый раз.

Минула станция «Минутка»,
По окнам взглядами скользя.
Встречает возгласом гугутка,
Встречают добрые друзья.

Он красивее с каждым годом,
Хотя и потерял свой лоск –
Восторг, жемчужина Кавказа –
Неповторимый Кисловодск.

Трудом двухсот годов взлелеян
Многообразный парк чудес,
От струй нарзанной галереи
Раскинувшийся до небес.

Храм возрождённый златоглавый
Зовёт на добрые дела.
Достойным горожанам славу
Исполнят гимн колокола.

Приноровились к горным склонам,
Как россыпь ласточкиных гнёзд,
Мансарды, домики, балконы,
Спиральных улиц перехлест.

Торжественный бульвар курортный...
Здесь знаменитостей следы.
Вздыхают старые офорты:
«Ах, сколько ж утекло воды!»

Воды... у бронзовой горянки,
Стеклянной радужной струи,
Ольховки то тихой, то рьяной
И невозвратных дней моих.

Целебны здесь вода и горы,
И парк, и воздух, и музей.
Но всё ж целебней всех бесспорно
Сердца отзывчивых друзей!

ПОЧЕМУ

Почему осенним утром
Леса розовая даль,
Всеми красками чаруя,
Дарит сладкую печаль?

Почему, как бы все сразу
Годы встретились во мне?
Потому что столько красок –
Только в детстве и во сне!

ЖИВОПИСЬ

И опять меня уносит
Из реальности в мираж
Соблазнительница Осень
На весёлый вернисаж.

В сок вошедшей бабьим летом
В полном цвете красоты
Под свои автопортреты
Вольно Ей менять холсты.

Голубого ширь отмерит,
Лист багетом обведя,
То натягивает серый
С грубой ниткою дождя.

Опалившись красок зноем
Ярче тысячи ковров,
Для каких пейзажей новых
Холст грунтует на Покров?

Миллионы живописцев
Здесь представили свой труд.
И заслуженно их кисти
Золотыми назовут.

Как палитра их богата!
В ней – свобода и каприз:
Красок буйная токката,
Сочетаний симфонизм.

Солнце выглянет, и снова
Флот листвы несёт ручей.
Нежно рдеет ряд кленовый,
Как ансамбль скрипачей.

Как художникам в угоду
Пляска красок входит в раж,
И любитесь природа
На рисованный пейзаж.

По глазури мчат белила.
В кобальт чистого пруда
Смотрит грустно кадмий ивы.
Верх в садах берёт сурьма.

От дождя едва просохнув,
Жарко киноварь горит.
Увядающая охра
О разлуке говорит.

На холсте кусочек солнца,
По реке скользя, дрожит.
Не от этих ли эмоций
Так светлеет наша жизнь!

ПЕСНЬ О НАЛЬЧИКЕ

Огонь, добытый подвигом Сосрука.
Его потомки в людях разожгли:
Огонь любви,
Огонь сердечной муки,
Огонь – в печи и в горне, чтобы руки
В огне желаний мир ковать могли.

Река течёт с начала мирозданья,
О Нартах бесконечные сказанья
Не устаёт журчаньем повторять:
Лишь только кончит сказ – начнёт опять.

Веками охраняют неустанно
Долины мир богатыри-курганы.
Издалека над кручами реки
Видны дозорных этих башлыки.

И, суетность давно уж одолевши,
В курчавых бурках, как совет старейшин,
Собрались горы в дружный полукрут,
Чтоб город убережёт от злых потуг.

О дивный край, природой благодатный,
И мирною историей и ратной
Вписавший строки в летопись Земли!
С людьми труда своей судьбой он слит.

Небесный всадник, мчась к родному крову,
На счастье людям обронил подкову.
Где конь земли коснулся – вдоль реки
Целебные открылись родники.

Проснулась в людях созиданья сила.
Ключом душа народная забила.
И, радуя сердца, лаская взгляд,
Здесь вырос настоящий город-сад.

Вложили ум свой и талант в проспекты
Строитель, земледелец, архитектор.
Домов каприз, цепочка ближних гор
Не наглядятся в зеркала озёр.

Вершины утро красит ледяные
И облака, как шали шерстяные,
Которые горянки вяжут здесь
Под водопадов с искоркою песнь.

Гостей встречает дом многоязычный,
В согласьи новь и прадедов обычай.
С курортами другими наравне
И Нальчик стал известен всей стране.

Минует скоро трудный срок затишья –
Гостей принять ты снова сможешь пышно.
И, веря в твою новую зарю,
«До встреч!» – с тобой прощаясь, говорю.

ДОЖДЛИВЫЙ ПРИВЕТ

Ждали вы весну весёлую
Как награду впереди.
А она пришла печальней осени.
И опять идут дожди.

Снег давно растаял, и берёзоньки –
По колено все в грязи,
По щекам их белым, словно слёзыньки,
Катятся, скользят дожди.

Как щенок в конурке поздней осенью,
Сердце съёжилось в груди.
И в незащищённое зонтиком,
Прямо в сердце льют дожди.

Тук-тук-тук – в окно стучатся капельки,
Что-то в сердце теребя,
И бродя по лабиринтам памяти,
Ухожу я глубже в себя.

Не грустите – эти дни печальные
Скоро будут позади,
Всё пойдёт по графику нормальному,
И окончатся дожди.

Рыжая волшебница красивая
раньше срока не придёт, –
Обо мне соскучившись, дождливую
Песенку она мне шлёт.

КАВКАЗ

О, Кавказ, владыка горный,
Тысячи народов князь!
По столетьям путь твой торный,
Шел, воюя и трудясь.

Где-то здесь, в садах Эдема,
Процветали, говорят,
Юные Адам и Ева
И греха вкусили яд.

После кары злой небесной
Возрождался человек,
Ной когда – Пророк библейский –
Здесь причалил свой ковчег.

В недрах – вечные богатства,
Благодатный, щедрый край.
На столы радивых яства
Обещает урожай.

Надо сообща стараться
Счастье удержать в руках.
Всем известно горцев братство,
Помощь путнику в горах.

Здесь История вязала
Множество тугих узлов.
Горы на дыбы вставали,
Руша и добро, и зло.

Всю добротность жизни райской
Враз коверкала резня.
Покидали люди край свой,
Долю горькую кляня.

Но Истории уроки
Не закончили свой сказ –
Так свежи кровоподтёки
На лице твоём, Кавказ!

За раздел антигерои
Выступают горячо,
И сегодня перекройка
Не закончена ещё.

Каждой осенью на склонах
Закудрявившихся гор
Листья вспыхивают клёна,
Словно жертвенный костёр,

Памятью о всех погибших –
Не на праведной войне,
Рано головы сложивших
В разрушающей резне.

Каждый лист – душа джигита,
Невозвратная вовек,
Крик природы: «Прекратишь ли
Эту бойню, человек?!»

Кто ты есть – чеченец гордый,
Йезд, аварец, осетин...
Помни: в час раздора горький –
Общего Кавказа сын!

Но решаются ли споры
В семьях саблей и огнём?
Мир вам, люди!
Мир вам, горы!
Мир тебе, кавказский дом!

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Детство на фотокарточках
Пожелтевших живёт.
Осень Красною Шапочкой
Не оттуда ль идёт?

Светится ясно наивная,
В сказку поверив всерьёз.
Скоро красу твою дивную
Скомкает волчий мороз.

Веришь в детстве в бессмертие
Всех друзей и своё –
Ведь Земля наша вертится
Вечно, не устаёт.

Много лет ещё красками
Будет радовать нас.
Осень – Красную Шапочку –
Жалко мне каждый раз.

ПЛАТО БЕРМАМЫТ

Ослепительный вид
Распахнул Бермамыт –
Умудрённой природы богатство.
Открывает простор
Нам кавказский престол
Легендарного горного царства.

Бьёт пронзительный луч
Из насупленных туч,
Град и ветер, капризы природы.
Всё рождается здесь,
Как гремучая смесь,
На бушующей кухне погоды.

Замирает душа:
Как же ты хороша
Без границы живая картина!
Ниже нас облака
Трут о скалы бока,
За вершинами манят вершины.

Мы по жизни спешим
Мимо славных вершин.
Часто тонем, не ведая брода.
И порывы губя,
Приземляем себя,
Сотворяя свою непогоду.

Мы спускаемся с гор.
В сердце – новый простор.
Нахлестал по заслугам нас ветер.
Суеты сбросив воз,
Мы на завтра прогноз
Хоть на градус добрее наметим.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Тихо дождь по крыше капал,
Ветер жалобно скулил,
Сердце, как стекло царапал,
Душу жаркую студил.

Не свистит сверчок за печкой.
Загустела темнота.
Возле самого сердечка
Поселилась маята.

Где ты, лучик, верный ключик
Мой заветный золотой?
В затемнившей сердце тучке
Дверь заветную открой.

Пошушукавшись немножко,
Дождь и ветер спать легли –
И хрустальные серёжки
На деревьях расцвели.

КРЫМСКАЯ СТЕПЬ

Здравствуй, Крымская степь,
Вековое раздолье,
Терпкий ветер, скупой солончак.
Здравствуй,
Предков моих небогатая воля.
Здравствуй, грек,
Турок, русич, кипчак!

Крым ладонью простёрся в открытое море.
По прожилинам древних дорог
Нагадали века радость, будни и горе,
Разных судеб сложнейший клубок.

Часть античной колонны,
И каменный идол,
Пирамидой курган, – цепь времён.
И несёт в себе запах
Пряно-горькой полыни
Горечь разных ушедших племён.

Черепами белеют языческих капищ
Валуны под холодной луной.
И трава на земле, знавшей много пожарищ,
Клочковатой растёт сединой.

Вот ракета взлетает, борясь с перегрузкой,
Покидает наш шарик земной.
Заунывную песнею, вечной и грустной,
Боль мою и беду,
И мои перегрузки
Лечит ветер целебный степной.

ОПЯТЬ ОНА

Опять Она пришла,
Опять заняло сердце.
Опять волнует кровь
Сединам вопреки.

Впадаю ли в печаль
Или впадаю в детство?
Или сгораю вновь
От страсти и тоски?

Не трогает меня
Ни яркость в ней цыганки,
Ни щедрость золотая,
Ни красок перелив.

А позднею порой
В неброском полушалке
Мне совесть бередит
Её иконный лик.

Её печальный взор
Не допускает фальши.
И я смотрю в себя,
И я гашу свой взгляд.

Причастие её
Спасает пусть и дальше.
И также пусть глаза
Греха мне не велят.

ОДЕССА

Как чайка, летящею песней,
Потёмкинской лестницей вниз
Спускается к морю Одесса
Встречать кораблей белый бриз.

Построен был город прекрасный
От дома за тысячи лье
И властной рукой Де Рибаса,
И острым умом Ришелье.

Судьбою своей интересна,
Отчизне на всплесках времён
Немало дарила Одесса
Героев и славных имён.

Сойдясь на весёлой аллее,
Здесь спорит азартный народ:
Шолом подмигнёт вдруг Алейхем,
И Бабель очками сверкнёт.

Космический век не нарушил
Колодцев-дворов грустный рай.
Забывшие возраст старушки
Глядят на старинный трамвай.

Рождаются новые песни,
И новь обещает нам жизнь.
Расти, поднимайся, Одесса,
Потёмкинской лестницей ввысь.

ЗРЕЛАЯ ОСЕНЬ

Ах, как ты налилась, как созрела!
Янтарём твоё светится тело –
Как ты радуешь любящий глаз.
Видно, ты ожидаешь кого-то –
Не жалея живой позолоты,
Выставляешь себя на показ.
Красоте твоей слишком чудесной
Не одну посвятил уже песню,
Что летит над тобою, звеня.
Как соблазн, ты являешься снова,
И опять восхищения слово
Соком зрелым идёт из меня.
Повелитель твой властный – сам ветер –
Прилетает к тебе на рассвете,
Дверь в чертог открывает ногой.
Ты, дрожа своим вспыхнувшим телом,
Покорённая им, облетела
И предстала, как Ева, нагой.
Жадно ветви ломает – милует,
Листьев красных сорвав поцелуи,
Он прощается наспех с тобой,
Непонятный безудержный ветер,
В свой прилёт краткий бурно приветит
И оставит протяжную боль.
Льются дождика слёзы печально.
Машут листьев ладошки прощально.
Вопреки скорой вьюге-молве
Будут муки и радость рожденья,
И зелёной листвы наважденье,
Будет ветер хмельной в голове.

КРЫМ

Вновь я встречаюсь с тобой, старый Крым,
Где я счастливым был и молодым,
Было недавно или давно:
Солнце и море,
Любовь и вино!

Горным тропам твоим был я знаком
Лёгкой походкой, тугим рюкзаком,
Скольким друзьям интересен
Меткой строкой или песней.

Переменились, видать, времена:
Не отряхнусь, словно с тяжкого сна,
Облик всё тот – на приколе,
Только нутром незнакомый.

Вроде бы, тот же старинный пейзаж:
Море – в дельфинах и гор ералаш...
Пишут нам жизнь демососы
Кистью Дали или Босха.

План весь передний – почётным гостям:
Ведьмам, вампирам, банкирам, страстям –
Новой валютной элите,
Барствующей хамовито.

Всё с ярлычком на картине – товар,
Не в зеленях, а в ларёчках – бульвар.
Маются мятые девочки,
Как дообменные денежки.

Ну, и народ на картине – как фон,
Портит, конечно, эстетику он:
Вот – в орденах инвалиды,
Бабка с авоськой обиды.

За пяточок пирожок, хлебный квас –
Сытно кормили когда-то здесь нас.
Вместо родимой утраты –
Гамбургер нынче и фанта.

С прежних времён здесь осталось-то разве что:
Вазочки, бусы, шкатулки из ракушки.
Фото, что будет в альбоме хранимо,
С надписью вечной: «С приветом из Крыма».

Будто за верность Отчизне оброк –
В уши вливают нам бешеный рок.
Песен не слышно задорных,
Спят пионерские горны.

Сохнут деревья, терпя свою боль –
Корни морская съедает им соль.
Недруги силою черной
Точат народные корни.

Славно одно удаётся здесь им –
Сеять болотный национализм.
И митингуют им вслед дураки,
Кочки хваля свои, как кулики.

Я покидаю тебя, старый Крым,
Немолодым, невесёлым, седым.
Как бы хотелось спеть вместе
Снова весёлые песни.

ПОЗОЛОТИ

Позолоти нам, Бабье лето!
Листвой сполна позолоти!
Стань в жизни доброю приметой
В начале нового пути.

Стань Бабьей осенью хорошей,
Дав нашим жёнам отдохнуть
От жизни непомерной ноши,
Что им придется тянуть.

Листвой усеяны дорожки –
Природы щедрой векселя.
Что предъявить себе мы сможем,
Душой в итоге не кривя?

В сей храм вложили столько силы –
Ему теперь века служить.
Туманом осень, как кадилом,
Наверно хочет освятить.

Дать чистоту небесной сини
И помыслам дать чистоту,
Чтоб разорённая Россия
Опять набрала высоту.

ЕВПАТОРИЯ

I

Из пены Евксинской рождалась своя Афродита,
Где брызги упали – заложена Керкинитида.
Эоловы струны под терпким и ласковым ветром
Чеканили бронзово-звучных стихов гекзаметры

О том, как в поту вдохновенном под чудо-руками
Лоза пробуждалась, улыбкой богов

оживал мёртвый камень.

Под солнцем горячим подрос и созрел, словно колос,
Ещё один вольный красавец – таврический полис.

Гостей череда, паруса распуская над синью,
И добрые вести, и добрый товар приносила.
Пленительный город летел по столетьям-аркадам,
Как солнечный зайчик далекого солнца Эллады.

Под грохот копыт налетали вдруг
скифские бури...

Где лучик Эллады?

Где город у теплой лазури?

За бурями следом другие неслись ураганы –

И нет уж иных – только злато

в безмолвных курганах.

II

С родниками и садами
Полной чашей до краёв,
Счастья дом и дом страданий –
– Удивительный Гёзлёв.

Узких улиц лабиринты –
Сказка тысячи ночей.
Улей зданий: глинобитных,
Из камней, из кирпичей.

Лавки, лавочки, духаны, –
Город весь – базар сплошной.
Звуки зычного азана.
Минаретов острый строй.

След талантливый Синана
И безвестных мастеров.
Обязательные бани,
И гончарных песнь кругов.

Над домами дымом вился,
Воевал, тащил улов,
Жил Гёзлёв,
Гёзлёв молился,
Торговал и рос Гёзлёв.

III

И продолжая цепь Истории,
Творец которой Человек,
Сегодня правит Евпатория
26-ой свой славный век.

«Окно второе прорубая»,
Дерзнув отпор давать врагам,
Пришла Россия молодая
Однажды к этим берегам.

Позднее, в годы бурных стачек,
Гражданской огненной войны,
Шли в бой священный, лиц не пряча,
Евпаторийские сыны.

В огнях военного заката
Сердца отважные горят
Евпаторийского десанта –
Совсем молоденьких ребят.

На благородную историю
Льёт город щедрую любовь:
Живут сегодня в Евпатории
Керкинитида и Гёзлёв.

ОСЕНИ МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Плавал я в бурных житейских морях,
Было – тонул в её водах.
Всё испытал: и надежду, и страх,
Мучаясь в поисках брода.

Резво промчался судьбы моей конь –
Только почувствовал сушу.
Крылья не раз опалял мне огонь,
Но я сберёг свою душу.

В память о прошлом огне, как салют –
Листьев горящая лава.
Ветры осенние мне пропоют
Многие лета и славу.

Песнь восхищенья шептали не раз
С нежностью женские губы.
Я откликался на ваш только глас,
Осени медные трубы.

Воды-огни свой оставили след
Нитью серебряной в чубе.
Чище звучания вашего нет,
Осени медные трубы.

В путь свой последний с собою возьму –
Так уж вы дороги-любвы,
Слышимые только мне одному,
Осени медные трубы.

ГРОЗА В КРЫМУ

Сотрясают окрестности грома удары.
Тучи пеняются, падают вниз,
Ударяются лбами, как в битве кентавры,
Вдруг покинув античный карниз.

Дождь ручьями течёт по спине Аю-Дага...
По легенде – судьба нелегка
У медведя, который пьёт горькую влагу
И напиться не может никак.

Будто птицей – взлететь попытался Ай-Петри,
Грудью белой подался вперед.
Но кручёных дорог бесконечные петли,
Как силки, не пускают в полёт.

Волны цепью на приступ, как конники скифов,
Набегут – и побито назад.
Видят внутренним взором легенды и мифы
Влажной гальки слепые глаза.

Не гроза, а чистилище будто в природе:
Плети молний, и дождь без конца.
Стонут горы, леса, словно души народов,
Ныне с крымского стёртых лица.

Дождь отмоеет руины, как белые кости,
Полустёртые надписи плит.
И смывая грехи, без накопленной злости
Пусть былое – худое – простит.

Вот, добытым руном золотым – лучик солнца,
Сразу свет на душе от него.
И весёлое облачко вольно несётся,
Очертаньем напомнив «Арго».

Снова полнится воздух цветов ароматом,
Птичьих трелей клокочет захлёб.
Гроз минувших в судьбе затихают раскаты.
Тают в сердце тревога и лёд.

ДНИ ОСЕННИЕ

Дни осенние – дети солнышка –
Улетают, озябнув, на юг.
Дни осенние – дети дождичка –
Нам протяжные песни поют.

Нам поют о минувшем, несбывшемся,
Про возможный пропущенный миг.
Мы толкаем друг друга и пыжимся:
Всё приехали, братцы, – тупик.

Масть червонную осень не прячет:
Козырь есть, если карты не врут.
Разругавшись вконец с зимней спячкой,
Попытаюсь на новый я круг.

СОЧИ

Озарив преддверье ночи
Светом пляшущих огней,
Электричка «Адлер–Сочи»
Открывает бег теней.

В карнавальном танце кружат,
Всё быстрее входят в раж
Фантастические души,
Экзотический пейзаж.

Пальм роскошные султаны,
Кипарисы – строй ракет,
Многорукие платаны
И шары с других планет.

Под летящими огнями
Вспыхнут кратко, но светло
Купы с яркими цветами
И другие НЛО.

Пролетающей весталке
Аплодирует прибор.
И спешит из моря галька
Поглазеть вослед гурьбой.

Осветившись на мгновенье,
Успевают крикнуть «Бис!»
Величавые строенья –
Архитекторов каприз.

Электрической гирляндой,
Занырнув в подземной зал,
Электричка «Сочи-Адлер»
Ксилофонит песню шпал.

Оборвалась сказка круто.
Ночь безлунная. Покой.
И мне кажется, что будто
Это было не со мной.

ГРУСТЬ ОСЕНИ

Приходят осени, уходят...
И я на них немножко злюсь
За то, что на душе находят
Надёжно спрятанную грусть.

Они так искренне беспечны, –
Я простоте такой дивлюсь,
Но жду с боязнью новой встречи,
Поскольку так разлук боюсь.

Готов я сделать что угодно,
Чтоб оттянуть разлуки час:
Уходит осень ежегодно,
Любимая – один лишь раз...

ПЕСНЯ О ВОРОНЕЖЕ

Эта песня во мне зазвучит –
Только струны заветные тронешь:
И плывёт черноземьем, летит
Опалённый в столетьях Воронеж.

По-над речкою – строй куполов
Позабывших людьми колоколен.
Он летит через бури веков,
Гордый прошлым и нынешним болен.

Прозвучали над градом ветра,
И врагов, и судьбину встречая.
Из гнездовья взлетали Петра
Корабли – белокрылые чайки.

В жарких схватках себя отстоял
Берег левый и раненый правый.
Каждый дом здесь – мемориал
Чести воинской, жертвы и славы.

Город новые крылья обрёл
В электронной и атомной силе,
И взлетают, неся ореол,
Серебристою чайкою ИЛы.

Ах, лети, моя песня, лети,
Свой полёт – верю – ты не уронишь,
Добротою потомкам свети,
Трудолюбия город Воронеж.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ты ещё молода, только первая проседь
На ветру, словно рыжий вихор.
Ты пока называешься – ранняя осень,
Потому так уверен твой взор.

А потом полыхнешь необузданной краской,
Царь-девицей пройдёшь по лесам,
И твоя красота, зрелой женщины лаской,
Обжигая, пройдёт по сердцам.

Отцветёшь, отгоришь, ветер листья покосит.
До спасения снежной фаты
Будешь хмуρο стыдиться, поздняя осень,
Узловатой своей наготы.

Год пройдет – ты опять той же юной и светлой
Будешь радовать тысячи глаз.
Песня жизни моей будет мною пропета
Только раз, как сумею – лишь раз.

ПЕСНЯ О ПЕНЗЕ

Весь – на холмах да на полянах
Над Пензой-речкой, над Сурой,
Наполовину деревянный
С резьбой с затейливой игрой.

Порой «вчера» и «завтра» – рядом:
Над роем удивлённых изб
Взлетает круто эстакада
Дорогой в будущую жизнь.

Край искони провинциальный,
Убогий в прошлом и глухой,
Сынов Отчизне гениальных
Дал, правя дедовой сохой.

Себя не чувствуя сироткой
В семье российских городов,
За труд испытывает гордость,
Сегодня город мастеров.

Живая древняя игрушка
Хранит умельцев имена –
Связуют ходики с кукушкой
Минут цепочкой времена.

Татарин, русский, мокша, эрзя –
Веками дружащий народ.
Российской ласточкою Пенза
Гнездо людское сердцем вьёт.

УТРО

Утро.
Женщина с тобою,
Дане та...
Тело рядом – до души её верста.
С ней не стихнет в твоём сердце маята.
Её губы – не медовые уста.

Не такая тебе снилась по весне,
Не такая тебе чудилась в окне.
Ты сжигал себя забывшийся в вине
Не в горячем, а в горячечном огне.

А по улице трамвайчики звенят.
А на улице – красивый листопад.
А на улицу ту сотни глаз глядят,
Думы тайные души они хранят.

Осень, времени послушна парусам,
Алым пламенем несётся по лесам.
Бродит девочка-надежда по сердцам...
Каждый должен отыскать такую сам.

ПЕСНЯ ОБ АНАПЕ

Смотрит Горгиппия мудрая в очи Анапы*,
Детство своё вспоминая и детство Итаки.
Чертит волна на песке непонятные знаки,
Слушая ритмы в шуршании гальки Сиртаки.

Берег лозой извивается сладостно-томно.
Словно амуры в барашках, целуются волны.
Облачко тенью Арго проплывает неспешно.
Греков нетленные души сияют безгрешно.

В профиле женской головки, плывущей по морю,
Чудится нос каравеллы, отточенной гордо.
Вложено сколько труда, вдохновения, страсти,
Если руины – и те так печально прекрасны!

Волнами моря и времени вечно гонимы
Память с загадкой о прошлом хранят ли дельфины?
Льются легенды, в венок завиваются сказы
В милой Анапе – в преддверье громады Кавказа...

* Горгиппия – древнегреческий город на месте Анапы.

МОМЕНТ РАССТАВАНЬЯ

Сыплет звонкую медь,
Топчет с хрустом червонцы –
Краскам в мире подоблачном тесно.
Это осень-кутила
Чудит и смеется,
И поёт лебединою песню.

Оглашён приговор,
Холод точит топор.
Оттого эта жуткая щедрость.
Пусть горит всё огнём –
День последний живём.
Эх, давно нам так сладко не пелось!

Почему мы порой
Не раскрыты душой
И скупы на простое признание?
Не пойдёт время вспять,
Когда поздно терять
Мы щедры...
Лишь в момент расставанья.

ЛИВАДИЯ

Для глаз утомлённых – усладою,
Природы и рук торжество:
Жемчужина Крыма – Ливадия, –
Чарует своим волшебством.

В гирляндах немислимых вспышек
Роскошных цветов карнавал,
Петляя, все выше и выше
К дворцу поспешает на бал.

Коврами с узором ритмичным
Газоны пылают в цвету.
И флейты волшебные птичьи
Прославить хотят красоту.

И выше вздымаются пальмы –
Туда, где творенья венец,
Встречая поток триумфальный,
Стоит белоснежный дворец.

И прост, и загадочен – вместе.
И рабский, и Божий в нём перст.
Как с детства знакомая песня,
Которая не надоест.

Льют чувственно слёзы фонтаны,
Печаль чью-то в каплях храня.
Горят в незабудках тюльпаны,
Как в небе салют среди дня.

Соседство – лишь горы да море,
И воздух – целебный бальзам.
И вот, уже горе – не горе,
А с болью я справлюсь и сам.

И в сердце вослед примиренью –
Стремлений благих через край.
Мне Богом бы стать на мгновение –
Таким сотворил бы я рай.

Да, рай! Воскрешения ради
Задавленных чувств у людей...
И снятся мне кущи Ливадий
В мечте окрылённой моей.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Ещё ты где-то вдалеке.
Ещё так долго до свиданья,
Но ощутил я на щеке
Твое знакомое дыханье.

Быть может, чувство поклоненья
Перед тобой, как мир, старо,
Но каждый раз с иным волненьем
В руке дрожит мое перо.

ПЕСНЯ О КАСИМОВЕ

То ль из былин, то ль из сказок воскрес
Город, как пряник, красивый,
Полный загадок, легенд и чудес
Предков подарок – Касимов.

Как украшеньё в мещерских лесах,
Обликом неповторимый
Девять веков он стоит на часах
Стражем столицы – Касимов.

Молодцеватый, любимый Окой,
Храмами свято хранимый
Город-купец и ларец дорогой
Русско-татарский Касимов.

Звал с колоколен, завидев врага
И с минаретов Касимов.
Крест, полумесяц,
Как меч, ятаган –
Вместе на службе России.

Сети плетёт, шубы шьёт корабел,
Золото плавит Касимов.
За красоту твоих праведных дел
И за сердечность спасибо!

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ

За окошком последние листья
Завершают осенний узор.
В это время так мудро молчитесь,
В это время так глуп разговор.

Осень так хороша и прекрасна,
Кинолентой промчится, рябя.
Оттого, что за ней не угнаться,
Без неё мы уходим в себя.

Водяную откинув завесу,
Как жар-птицу из клетки дождей,
Осень дарит нам пару чудесных,
Пару ласковых солнечных дней.

Высыхают печальные лужи,
Словно слёзы на лицах детей.
Почему-то мы осенью тужим,
Но лелеем так память о ней.

ДЬЮТИ ФРИ

Суе́тимся. Тамо́жню про́шли.
Сдан бага́ж – мы почти за границей.
И э́литный отстой дьюти фри
Ка́жет нам кисти Брейгеля лица.

На товар, потрясающий взгляд,
Беспардонно ругаясь так смачно,
Взяв корзинки, мадамки летят
С голодухи как будто бы алчно.

Всё на запах, на вкус и на зуб
Перепробывают по-хозяйски.
Как вампирши, кровавый свой зуд
Не скрывают, сорвав свои маски.

Видно неча у них покурить
Да и выпить, наверное, нету,
Если, к кассе летя во всю прыть,
Тащат виски, духи, сигареты.

Не смущают их цифрищи цен.
Хоть в элиту стремятся рядиться,
Макияж не привнёс перемен
В некрасивые злые их лица.

Укурилась: одну за одной
Тушит в фикусе «мальборо» стильно.
И приклеился к уху другой
Не считающий денег мобильник.

Заробели с женою мы тут
И на цены глядим по-сиротски.
Где же люди деньжищи берут,
Чтоб гульнуть на пиру этом скотском?

Этот мир – навсегда нам чужой.
Нам привычней бывать на базаре,
Где в рядах всяк прилавок – родной
И с доступным и нужным товаром.

Разговор там понятный живой,
И молочнице есть чем гордиться.
Среди публики этой я – свой.
Вот где вправду красивые лица!

ОСЕННЯЯ МОСКВА

Красив в осенних струях
Дождливый лик Москвы
В пунцовых поцелуях
Пылающей листвы.

Уже смягчилось солнце,
И сумеречны дни.
И в лужах, как в оконцах,
Вечерние огни.

Простывший ветер дует
И птиц уносит вдаль,
Осенние раздумья,
Осеннюю печаль.

Какие-то итоги
Не подводи, душа:
Живём и, слава Богу.
А осень – хороша!

ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНЕМ

А у нас здесь гремят барабаны,
Только, ты их не слышишь, конечно.
А у нас здесь – прощанье со Знаменем,
О, как это прощанье сердечно!

Прослужили три года ребята.
Отшумели для них три метели.
Ну, а мне еще год быть солдатом,
Добрый рыцарем в серой шинели.

Вот, они возвратятся к девчонкам,
Позабудут, как сон, расставанье.
Я же буду, как прежде, бессонно
Охранять торжество их свиданья.

Осень, к встрече готовясь, искусно
Красит в алый листву над бульварами.
Ты не знаешь, родная, как грустно,
Что ребята уходят из Армии.

КЕНИГСБЕРГ

На краю многолюдной галактики,
У янтарного берега Балтики
О, Майн Гот! ты однажды отверг –
– За какие грехи? – Кенигсберг...

Цветником становясь иль казармою
На путях вождельня и варваров,
Перепахан огнями времён
Величавый, в былом, бастион.

Словно судеб людских отпечатки,
В серых оспинах улиц брусчатка.
И уже никуда не ведёт
Штрассе из Бранденбургских ворот.

И слепые глазницы мансарды,
Повидавшие, в прошлом, парады,
Вдаль бросают обугленный взгляд
На потерянный рай – фатерлянд.

Клёны свесились, словно штандарты,
Над могилой Великого Канта.
Руку-шпиль, вопрошая, простёр
К небу скорбно калека-собор.

Волны пенятся в танце игриво,
Словно в кружке Баварское пиво,
И на берег бросаясь шурша,
Старых маршей печатают шаг.

Лжи и правды обросший коростой
Кенигсберг – как затерянный остров –
Перед волею Божьей затих.
Мир могилам... и тех и других!

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ

Здравствуй, Осень, ты снова и снова
Возвращаешь мне праздники детства,
Ограждая от резкого слова
И, хотя б ненадолго, от бедствий.

Вспыхнешь к встрече румянцем рябины
И не скажешь, что не был я долго.
Так, наверное, блудного сына
Без упрёка бы приняли дома.

Только, жизнь нас заботами точит,
В сердце копятся боль и обиды.
И дрожат на берёзе листочки,
Как реснички уставшей любимой.

Бытия суетного непрочность
Ощущаю, однажды прозрев я,
Что давно мы уже лишь листочки,
Оторвавшиеся от деревьев.

Пошумим, пошуршим и истлеем
Иль сгорим судьбоносною кучей...
Осень мажет глаза мне елеем,
Допуская к божественной ручке.

СКАЗ О ТУЛЬСКОМ САМОВАРЕ

Дышит кузница – калёное жерло,
На округу высыпая весело
Звон булата, пламя, искры, жаркий пар...
Здесь когда-то сочинили самовар.

Обнажённые до пояса, в поту
Мастера черны, как грешники в аду.
От огня у них прищурены глаза.
И прихвачены бечёвкой волоса.

Поколения сменялись у печей.
Много было тут отковано мечей.
Тем оружием перебита тьма врагов –
В дни победы чтят и скромных мастеров.

В наковальном звоне – будущего песнь:
Плут, подкова и коса рождались здесь.
Мыслей смелость, а затем упорный труд
Людям пользу, славу мастеру дают.

На рождение его ушли года.
Много сметки было вложено, труда.
Полюбили на Руси и мал, и стар
Чудодейный медный тульский самовар.

Покорил затем заморскую он даль.
Каждый царь цеплял на грудь ему медаль.
Он пузатым и таким важнецким стал,
Словно самый настоящий генерал.

Вот – стоит он меднолоб и крутобок,
С толстой шеей да, пожалуй, кривоног.
Закипает, будто в пляс сейчас пойдёт,
Зазывая чашки в звонкий хоровод.

Пофырчит, потом присвистнет, пустит пар –
Ну, ей-богу, раззадоренный гусар.
Самовара дружелюбное тепло
Будит в сердце доброту, смягчает зло.

Гордо выставив вперёд свой краник-нос,
Наш туляк встаёт на жостовский поднос
И, воркуя изнутри, лосня свой бок,
Льёт крутой и ароматный кипяток.

Тяжким потом и смекалкой удалось
Сочинить затем и первый паровоз.
И ракете, что готовится на старт,
Самовар – известно – тоже старший брат.

Этой строчкой немудрёной дань воздам
Всем известным и безвестным мастерам,
Тем, кто терем променяв на уют,
День наш завтрашний без устали куют.

ОСЕНЬ

Ты опять краснеешь – не стыдись,
Не стесняйся – ведь ещё не вечер.
Я свою отсчитываю жизнь
Не по дням рождений, а по встречам.

Значит, ещё старость не пришла,
Если есть ещё в запасе чувства,
Если ещё слышу, как ветла
Тянет ветки мне со сладким хрустом.

Не пойму – роса или слеза
На листочках радостью от встречи.
Образы твои, как образа,
Утешают глаз и душу лечат.

Празднично захватывает нас
И листвы и головы круженье.
Радостным подарком каждый раз –
Волшебство души омоложения.

ПЕСНЯ О РИГЕ

Оживают Андерсена сказки,
Вырастают улицы из книги. –
«Городок из табакерки», Здравствуй!
Здравствуй, удивительная Рига.

Петухи на шпилях, кот на крыше,
Башенки, железа кружева.
Карлсон пролетает. Трубы дышат
Стариной, которая жива.

Стройные дома прижались тесно,
Словно трубы Домского органа.
Каменная летопись, как песня,
Зодчими пропета филигранно.

Переулков лабиринт случайный,
Чудеса за каждым поворотом,
Словно в детстве, в ожиданьи тайны,
Сердце замирает отчего-то.

В черепичной праздничной накидке
Фея с медным куполом волос,
Рига, рад я, что тебя увидел,
Что в тебя влюбиться довелось.

РАННИЙ СНЕГ

Что за осень,
Что за осень?
Разобраться не могу –
Окровавленная россыпь
Листьев корчится в снегу.

Лес внезапно заморожен
И стоит, как полк калек.
Солнце выправить не сможет,
Что наделал ранний снег.

Что за осень в моём сердце?
Каплет оттепель со лба.
Заморозив моё детство,
В зрелость бросила судьба.

А теперь вдруг дарит взрывы
Чувств нежданных на бегу
Ветер юности красивый,
Словно листья на снегу.

ПЕСНЯ О ТАЛЛИНЕ

Верной рыбачкой глядит
 в необъятные дали,
Рыцарем строгим стоит –
 горделив и красив.
Зодчий судьбы своей трудной
 и радостной Таллин –
Старый прибалт,
 охраняющий Финский залив.

Таллин! Таллин! – слышна со всех сторон –
Таллин! Таллин! – песня бегущих волн.
Таллин! Таллин! – чаек влюблённых стон.
Таллин! Таллин! – древних курантов звон.

Пахарь, кузнец здесь трудились
 и доблестный воин,
Ловкий торговец
 и вечный бродяга – варяг.
Славой и именем добрым
 в веках удостоен
Город – трудяга, защитник,
 строитель, моряк.

Таллин! Таллин! – слышна со всех сторон –
Таллин! Таллин! – песня бегущих волн.
Таллин! Таллин! – чаек влюблённых стон.
Таллин! Таллин! – древних курантов звон.

Вышгород, как капитанский
над Таллином мостик,
Шпили соборов, как мачты,
полощут ветра.
Волны веков приглашают
в Историю в гости.
В склянки куранты бьют:
В путь, Старый Томас, пора!

Таллин! Таллин! – слышна со всех сторон –
Таллин! Таллин! – песня бегущих волн.
Таллин! Таллин! – чаек влюблённых стон.
Таллин! Таллин! – древних курантов звон.

ПАМЯТЬ

Промчалась, как ребенок весела,
Разбрасывая листья, как игрушки...
Пришла зима и след твой замела
Своим блестящим белым равнодушьем.

Я помню всё – и нет тебя светлей.
На сердце по тебе такая нега:
Случайный твой листочек мне милей
Холодного великолепья снега.

ОСЕННИЙ СВЕТ

Звоночки слились в непрерывный сладкий звон
Со всех сторон –
Театр Осени открыл нам свой сезон –
Зал освещён.
Приход твой каждый, как из детства мне привет,
Забытый след,
И в моё сердце, как в окно, осенний свет,
Осенний свет.
Хоть не спасенье, но забвение от бед –
Осенний свет.
На все вопросы лета даст простой ответ
Осенний свет,
С тобой мы дружим не натужно столько лет,
Осенний свет.
И в наших чувствах без вражды – и «да», и «нет»,
И «да», и «нет».
Тебя все видят, но с тобой мы тет-а-тет,
Осенний свет.
Холодным светом всё равно я был согрет,
Осенний свет.
Не вечны мы – на небеса нас ждёт билет –
Задержки нет.
Я улечу, и ты сверкнёшь слезой вослед,
Осенний свет,
Осенний свет.

ГОРОД ГОЛУБЫХ КУПОЛОВ

Самарканд –
Древний город эмиров,
 Страданий, открытий, любви.
Как я рад,
Что попал хоть однажды
 В таинство владений твоих.
Двадцать пять
Ты столетий стоишь –
 Величав и красив.
Ты опять
И опять восставал,
 Всех коварных врагов разгромив.
Регистан
Блещет краской лучистой,
 Резьбой и цветным изразцом.
Словно стан
Гюльнары –
 минареты с жемчужным венцом.
Гур-Эмир
Держит куполом небо,
 Как вышитый шёлковый зонт.
Светлый мир
Уплывает в сплошной
 Голубой-голубой горизонт.
Навои
Алишер здесь писал
 Золотые легенды свои.
О любви,
О несчастной и горькой,
 И светлой безумной любви.

Улугбек –
Мудрый шах и учёный –
Здесь правил, творил, был убит,
Но навек
В доброй памяти мира
Останется тот Тимурид.

Самарканд –
Город пёстрый цветастый,
Как яркий узбекский халат.
Зеравшан –
Как серебряный пояс,
Чалмой – в синеве купола.
Здесь сады
Так пышны,
Что в сплетеньях теряется взгляд.
И дворы,
Словно крышей,
От зноя укрыл голубой виноград.

А базар...
Ах, какой колорит!
Сколько гомона, красок, огня!
Мал и стар
Тут толкуются, торгуют,
Судачат, смеются, шумят.
Чайхана
Уже издали манит,
Дурманит пахучим дымком.
Пиала
Вновь и вновь наполняется
Вкусным зелёным чайком.

Ишаки
Обгоняют машины,
Наездники песни поют.
Шашлыки
Здесь на угольях жарят,
Духанщики тоже поют:
«Гюльнара-а-а...»
Имя девушки слышится
Все вечера
До утра,
А с утра вновь до вечера
Песнь: «Гюльнара, Гюльнара...»

Цепью гор
С золотистым рисунком
Хрустальных вершин окружён.
С давних пор
В этот город
Таинственный месяц влюблён.
Дождь и гром,
Ветер, солнце
Веками на город летят,
И лучом
И ответным лучом
К солнцу, к небу
Летит Самарканд!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ты снова пришла,
Забросив дела.
И ясно, что нет тебя краше.
Зелёный твой сон
Огнём опалён.
Но где ж ты, скажи, была раньше?

Проносится время, бесцельно течёт.
Но вдруг мы становимся старше.
И кажется вот они: слава, почёт...
Ах, если бы чуточку раньше!

Живёшь, от себя же до времени скрыв
Приятельств иных фальш на фальши.
И всё же однажды вскрываешь нарыв,
Но лучше бы всё-таки раньше.

Вся жизнь – как полёт. Но не дан парашют.
И миг приземления страшен.
Прощенья за все я грехи попрошу,
Но надо бы, видимо, раньше.

И осенью дивною дум хоровод
Уносит нас выше и дальше.
А что впереди – не зима ли нас ждёт?
Зачем же пришла она раньше?

Но Ангел спустился и строго спросил:
Что можешь ты в жизни итожить?
Ах, дали б мне время и чуточку сил,
Чтоб мог я ответить попозже!

ДЕНЬ ТУРКМЕНСКОГО СКАКУНА

От крестьянина до президента – страна
В ожидании возбуждена:
Отмечает в апреле веками она
День туркменского скакуна!

Предков славных достойных
и многих колен
Жизнь коням огневым отдана.
Ну, скажите по чести: какой же туркмен –
Без туркменского скакуна?

Степь без края, пустыня и солончаки.
И дорога, как к звёздам, длинна.
Безвозвратны – барса кельмес –
смельчаки
Без туркменского скакуна.

Если сердце зажгла неуёмная страсть,
Не спасут ни забор, ни стена:
И джигит в старину, как невесту, украсть
Мог туркменского скакуна.

Весть ли добрую в дальний аул донести,
Ну, а если случится война?
Ведь туркмену нельзя – как ты тут ни крути –
Без туркменского скакуна.

И к прогрессу большой совершая рывок,
Не галопом ли скачет страна?
Так даёт отстающим соседям урок
Пыл туркменского скакуна!

ОСЕННЕЕ

Это время меня тайно поджидает.
Нет красивей этой ласковой поры:
Поджигает осень, снова разжигает
Свои первые кленовые костры.

Те костры покуда призрачны и робки –
Не поджечь ещё совсем зелёный лес.
Небо смотрит голубым огромным оком
На природу эту полную чудес.

Золотятся на берёзках, как монисто,
Пряди первые осенней седины.
От листвы дымящей воздух пряно-мглистый
Навевает об ушедшем лете сны.

Где вы, годы, что остались безвозвратно
В прошлых осенях и летах, и летах,
Где неправым я бывал и виноватым,
Чтобы к старости остаться на бобах.

Что там было нам во благо, что – напрасно?
Что там – с толком, что – без пользы, Бог, суди.
Только – нет фиесты осени прекрасней,
Хоть потом зальют нас слёзы и дожди.

КАСПИЙ

Море Хазарское,
Море Персидское,
Каспий.

Здесь языки все смешались,
обычаи, краски.

Вдоль бесконечных твоих берегов
Много народов прошло и веков.

Полям бывал та не раз
для воюющих бранным
И омывал крепостей осаждаемых раны.
В мирное время для солнечных стран –
Путь караванный, большой достархан.

Волны, наверное, чутким поэтам напели
Песни любви, сладкозвучные гимны,
газели,

А изумрудные брызги твои
Им нашептали слова рубай.

Море Хазарское,
Море Персидское,
Каспий.

Помнишь ты шахов ширванских
кровавые распри.

Мир тебе, Каспий, во веки веков,
Каспий – нефтяник, моряк, рыболов.

КРАСИВАЯ ОСЕНЬ

Какая красивая осень!
Но разве бывает иной?
Мне взгляд вопросительный бросит:
«Ну, что – еще болен ты мной?»

Всё реже твой вскрик восхищенья,
Всё реже букеты стихов.
Травой зарастают забвенья
Виденья несбыточных снов.

Наверно, другую я стала,
Ведь встрече – не первый уж год,
И копится в сердце усталость
От всяких нелёгких забот».

Ах, что за печаль, дорогая!
Хоть летняя зелень ушла,
Мы вместе с тобой догораем
И, дай, Бог, не скоро – дотла.

ВЗЛЁТ БАКУ

Взлетает Баку из старинных кварталов,
Как юный орлёнок из скорлупы, –
Стеклянные крылья, тело из стали,
Спорткомплекса круг – отраженьем луны.

Взлетает Баку устремленьем высоток,
Макушками башен на древних домах.
Восточным ковром не из камня ли соткан
Узорчатый город в умелых руках?

Взлетает Баку эстакад новизною,
Цветами бульваров, простором дорог,
Прохладой фонтанов, спасая от зноя
Трудом заслуживший благое народ.

Взлетает Баку реактивную тягой,
На нефти, на газе, на честном труде.
Рачительно тратит мудрый хозяин
Сокровища недр для достатка людей.

Богатый историей самой глубокой
И нынешним дням говорит он: «Салям!»
Встречает Баку, как ворота Востока,
Открытые всем дружелюбным сердцам.

Для блага продумано всё человека.
И дышится легче в стремленьи вперёд.
Взлетает Баку к XXI веку,
На равных с эпохой свершая полёт!

ОСЕННИЙ ВЗГЛЯД

Швыряет ветер пригоршнями ярко
Раскрашенные осени подарки.
Шкатулки так расписывали жарко
Художники федоскинской поры.

Какие здесь – скажи – трудились кисти?
Расписаны не радугой ли листья?
Не листья, а почти живые лица –
С характерами целые миры.

День изо дня – всё разные наряды:
Цыганской юбки роскошь, голь наяды.
И дни проходят, будто бы пляды
В последних танцах огненной поры.

Стихает живописная утеха.
Редеют кроны.
И текут в прорехи,
Часов природных отбивая вехи,
Небес остывших синие дары.

Покинув мир, я след живой оставлю,
А след мой в том, что я тебя прославлю,
Что памятники я в сердцах поставлю, –
Вот, все тебе, моя любовь, дары!

ВОРОТА ВОСТОКА

Это моря иль города гул?
Или ветер с Востока подул?
Только слышится громче и громче:
«Истанбул! Истанбул! Истанбул!»

Минаретов торжественный хор
Оглашает молитвой Босфор.
И звучит над проливом азан,
Как сердцами незаблудшим «сезам».

Здесь очаг тьмы народов раздут,
Всех эпох постоянный редут,
Для изгнанников – горькая чаша,
Эмигрантов последний приют.

Вечный символ Востока – чинар.
Под чинаром – бескрайний базар.
И торговец – то липкий, как местная сладость,
То безжалостный, как янычар.

Синим вечером здесь не до сна.
Город весь – как одна ашхана:
За столами вдоль улицы – праздник желудка –
Пьют-едят всей гурьбой до утра.

Здесь кончается «Шелковый путь».
Запад с ветром врывается в грудь.
Сын Византия, Константинополя наследник,
Рим восточный, Стамбул,
Счастлив будь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Затянулось лето, запозднилось,
И стоит сентябрь в зеленях.
Осень, к нам придя неторопливо,
Боязливо топчется в сенях.

Подожди подольше, не врывайся
В этот поздний летний наш уют.
В голове пусть прокружатся вальсы,
И в душе пусть птицы допоют.

Пусть еще природа солнцем брызнет
На судьбы высокое крыльцо,
Только пусть скупая осень жизни
Не морщинит душу и лицо.

Сохранить бы синь в глазищах этих,
Что свели давно меня с ума,
Для нее пусть длится бабье лето,
Хоть давно у мужика – зима.

КАРАВАН-САРАЙ

Нет Востока без базара,
Но о том – особый сказ.
Вечер в караван-сараяе
Проведём на этот раз.

Сядем на коврах уютных.
Яства разные – горой.
Дружеский кальян с тютюном –
Угощайся, дорогой!

Сладостей поднос воздушных:
Губки, пальчик везиря,
Соловьиных гнёзд ватрушки,
Ста названий кренделя.

Вот – зурна, комузу вторя,
Вспоминает о былом:
О каком-то давнем горе,
О дороге в отчий дом.

И дрожащими губами
Песни горькие свои
Ханума поёт, рыдая,
О несбывшейся любви.

Что ж, красавица, так плачешь?
Искренне тебя нам жаль.
Но всё ж легче и иначе
На свою глядим печаль.

Вышли парни полукругом,
Все движения – в одно.
На плечах друг друга руки
Как единое звено.

Разминаются недолго,
Вот уж танец – заводной:
Трель выплясывают ноги,
Зависая над землёй.

Что-то радостное будят,
Искры – в огненных очах.
Будто круг их – солнца бубен
На танцующих лучах.

Под удары барабана
Вышла юная краса,
Как кувшинка, с тонким станом,
Подсурмлёные глаза.

Не от взглядов ли нескромных
Пробежал озноб по ней?
По ковру ступая робко,
Плавных жестов льёт елей.

Вьётся будто бесхребетна,
Начиная танца сказ,
И улыбкою-шербетом
Одаряет щедро нас.

Ах, турчанка! Ах, наяда!
Ворожит прохладу, зной.
И рука, колдуя взгляды,
Извивается лозой.

Бьётся рыбкой золотою,
Пойманною на крючок.
То звенит, как беспокойный
Колокольца язычок.

Чётки с длинными кистями
Завращала, как аркан.
Жертвами готовы сами
Стать её и раб, и хан.

Ударяясь в бубен прытко,
Скачут руки без узды,
Будто две живые рыбки
Над огнём сковороды.

Бьётся лань в припадке танца,
Рвёт невидимую сеть,
Ускоряя непрерывно
Ритма сладостную плеть.

Пляшут брови и ресницы,
Серьги, бусинки на ней,
Пляшут кольца и монисто,
Пляшут кончики ногтей.

Выше всех похвал, без лести
Плоти, духа красота –
Танец страсти, танец сердца,
А никак не живота.

То призывно тянет руки,
То губами говорит,
Будто бы рожденья муки
Нам поведать норовит.

Взмах руками – крылья чаек.
Плечи замерли вот так.
Бёдра маятник качают,
Учащаясь в каждый такт.

Содрогаясь мелкой дрожью,
Нерв желаний теребя,
Будто бы змея из кожи,
Хочет выйти из себя.

Блеск – в глазах, и пот – на лицах,
Выбивают дробь перста:
Многие хотели б слиться
С нею в танце живота.

И старик, давно угасший,
Словно тронули струну,
Оживил лицо гримасой,
Сладостно сглотив слюну.

Вечер, танцами согретый,
Утопает в клумбе звёзд.
И, сорвавшись с минарета,
Месяц сам собой плывёт.

Но ещё роняют лица
Свет восторженных очей...
То была одна страница
Сказки тысячи ночей.

ОСЕННИЙ ПРИВЕТ

Не сказать, что меня, как и прежде, заносит, –
Тормозит седина, тяжесть прожитых лет.
Но опять мне косынкою алою осень –
Не из прошлых ли дней? – посылает привет.

Опадает листва, как нарядное платье,
Расстилая кругами ковры на земле.
И деревья волнуют подвижную статью,
Совершая под ветром своё дефиле.

Затянулись, забылись житейские раны.
Поредел, как и лес, неприкаянный чуб.
Почему же по-прежнему так же желанны
Лепестки увядающих губ?

Белым бисером иней украсил дорожки.
К расставанью опять я душой не готов:
Я люблюсь на осени дивные ножки,
Пока их не укутала шуба снегов.

ГРАНАТОВЫЙ ГОРОД СИДЕ

Волны с пеной обрывки полощут
Давних снов о гранатовой роще,
Что сбегала к лазурной воде.
Город звался Гранатом – Сиде.

Были зёрна белёсы и горьки
От обилия страха и горя.
Диким был в эту пору гранат,
Как державший всё море пират.

Шли сюда, разрушая преграды,
Вездесущие дети Эллады.
Лавы грозные римских солдат, –
Кровью их напитался гранат.

Здесь с войсками прошёл Македонский,
У пиратов отбив полуостров.
Персов бился отважный отряд. –
И красней наливался гранат.

Византийских в нём кровь венценосцев
И залётной братвы крестоносцев.
В алом соке созревших плодов –
Павших турок победная кровь.

Вдов слезами в войне утомлённый
Вкус граната был горько-солёный.
Истекал алым соком, страдал,
Что оружием название дал.

Убивал, разрывал перепонки,
Называясь порою «лимонкой».
Сколько в мире погибло солдат
От заряженных смертью гранат!

Словно крови застывшие капли,
Превращённые временем в камни.
Вёз вояка наградой с войны
Ожерелье для верной жены.

Были мирные в жизни години.
Грандиозной эпохи руины,
Поражая сегодня, стоят,
Как разломленный спелый гранат.

Без войны, к быту вновь приспособясь,
Варят люди гранатовый соус.
Утишают о прошлом печаль
Сок, вино и гранатовый чай.

Купола на кровавом закате
Отраженьем горят, как гранаты.
И рябят, как гранатовый кров,
Черепичные крыши домов.

Город славный у самого моря
Бурно строится в мире без горя.
Он цветёт, как гранатовый сад.
Сладким стал наконец-то гранат!

НОСТАЛЬГИЯ

Снег приснился сегодня с утра,
Значит, нам собираться пора.
Ждут нас поздняя осень,
 скупое предзимье
И холодные наши ветра.

Разве выпьешь душою до дна
Море солнца и море вина?
Хоть хорош и пригож
 этот берег Турецкий,
Но милее родная страна.

До свидания, сказочный блеск!
Здравствуй, тихий заснеженный лес!
Как бы ни было здесь
 и тепло, и прекрасно,
Кратки в жизни сезоны чудес.

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Крылами машут, осень провожая,
И сами птицы вслед за ней летят.
Иные собирают урожаи,
А мы лишь начинаем новый сад.

Ещё в душе – хорошая погода,
Для чувств приливных не настал отлив.
И даже для осенних этих восходов
Мы дождь воспринимаем, как полив.

И в шёпоте листвы и в свисте ветра
Порой слышны, как будто – соловьи.
Пусть нашей жизни длится бабье лето,
Как лето неоконченной любви.

ПОЗДНИЕ ДНИ

Поздние дни – как журавли...
Что нам осталось?
Мира и радостей, Боже, пошли
Самую малость.

Старость пришла, годы взяла –
И не спросила.
Вслед за отвагой куда ты ушла,
Прежняя сила?

Словно дожди в окна стучат
Нудно болезни.
Пусть будет светлой хотя бы печаль,
Друг мой любезный.

ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

Если б слышали, плакали б камни
О судьбе твоей горькой, изгнанник,
Мой изгнанник-народ духом вольный
Претерпел за столетья довольно.

Бушевали истории волны.
Изгоняли, дробили нас войны.
В катастрофах таких сохраниться
Помогли только труд и традиции.

Предков путь начинался у моря.
След их знают Кавказские горы.
В Киргизстане, в Казахских степях
Наших предков покоится прах.

Вспоминать мы добром не устанем,
Как делили последнее с нами
Русский люд и казахи, киргизы
С нашей общей судьбой и Отчизной.

Сдюжил всё наш народ непокорный:
Не утратил язык свой и гордость.
Мы – трудяги, скажу без утайки.
Шибче нас разве только китайцы.

И поставили, строя без лени,
Мы дома аж для трёх поколений.
Недовольным быть нету причины:
Есть достаток и две-три машины.

Только, грянула тут перестройка –
Всех народных богатств перекройка.
Чтоб сподручней творить ограбленье,
Бомбу бросили нацразделенья.

Так – Союз наш единый когда-то
Превратился в страну эмигрантов.
Повезло, может, в кои-то веки:
Приютила нас Родина предков.

Мы страной этой можем гордиться:
На подъёме памука царица.
С нами здесь поступили по-братски.
Может, кончились наши мытарства?

ПОЦЕЛУЙ

С каждой песней листопада
На меня находит грусть.
Что когда-нибудь, с годами,
Белой немощью согнусь.

В золотом осеннем дыме
Вспомню я не раз добром
Поцелуй неизгладимый
И горячий, как тавро.

ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Давно описал караван я сарай,
Где яства и гурии – сладостный рай.
И только слегка отрезвевши от чар,
Обещанный мной покажу я базар.

Восточный базар, видно, создал нечистый,
Куда уж там КИО-иллюзионисту!
Ведь в цирке в конце вам вещички вернут,
А здесь лишь улыбку вернёт тебе плут.

Меня не заманит какой-то дешёвкой
Торговец лукавый, готовя уловки.
Хочу по базару я так погулять –
Намерений нет что-то здесь покупать.

«Зачем покупать? Ты зайди, посмотри:
А мех-то пушистый какой изнутри!
Тебе мы как гостю навстречу идём
И вдвое дешевле товар отдаём.»

Такое вниманье! Такой уж почёт!
И вдвое дешевле, – ну кто ж не возьмёт?
«А вот-ка», – добавил, начёс теребя, –
Примерь-ка, да это – как раз на тебя.

Когда в нём увидит, то ахнет жена,
И вечером, знай, так уж будет нежна.
А это! Тут сразу – и сахар, и мёд!
И только ослепший его обойдёт!

Для ровного счёта и это возьми –
Достойно ты будешь ходить меж людьми.
А эту вот вещь предлагаю свою:
Я сам брал за пять, а за три отдаю.»

Но в лавке соседней прошиб меня пот:
Хозяин за ТРИ там пять штук отдаёт.
На чём-то ведь должен родиться навар...
Никто не неволит идти на базар.

Разинул я рот на восточное чудо:
«А можно – на память сниму я верблюда?»
Те снимки поныне забыть не дают,
Кто был в этот день настоящий верблюд.

Меня подхватили, не дав обомлеть,
Четыре ручищи – и я уж в седле.
Два крошечных круга погонщик ведёт
И тут же вручает за всё это счёт:

За фото, поездку как с гостя – пустяк:
По сотне за круг и ещё четвертак.
Влетел. Расплатился. Но тут же другой
С улыбкой-шербетом: «Зайди, дорогой!»

Чайку наливает: «Присядь, отдохни,
Попробуй, примерь, на товары взгляни!»
От сделки удачной отходишь едва,
Как кругом от новых идёт голова.

Домой возвратился с пустым кошельком
И понял, что я – ну, дурак дураком.
Навьюченный верхом товар я припёр.
И на фиг мне сдался молельный ковёр?

И чёрт ли попутал мозги мне совсем –
Кумган омовенья купил я зачем?
Жена вместо ласк показала на дверь:
«На что же детишкам мы купим тепёр?»

Базар не равняется рынку Европы,
Но нас убеждает лишь собственный опыт.
Хоть надписи нету, но будь начеку:
Сам воздух базара вредит кошельку.

По правде – была и достойная встреча:
И искренний взгляд, и язык человеческий.
С двух слов подружились мы запросто с ним:
Литейщик, чеканщик, художник – Расим.

Ах, сколько ж легенд, поучительных притч
На том же базаре узнал я – москвич!
За стих о султানে, прочитанный мной,
Подарок вручил мне – подсвечник резной.

Хотите уж верьте, хотите – уж нет:
Но может меняться менталитет.
Раскрою секрет, завершая рассказ:
Учился торговец в Союзе у нас.

А что там с базаром? Бушует базар.
И всё – как по Марксу: за деньги – товар.
Наверно, не понял тут многое я,
Но этика всё же во всём есть своя.

Обычай в честь праздника видел я тут:
Купцы угощение бесплатно дают.
Кто – сладостей горку, кто – с мёдом шербет,
На масле цветов благовоний букет.

И всё ж очарован восточным базаром.
Его посетил я, наверно, не даром.
Мир новый увидел, а также извлёк
Я, хоть не бесплатный, но всё же урок.

БЛЮЗ ЛИСТЬЕВ

Блюз листьев опадающих над садом,
Осенний лес в немыслимом наряде,
Как на балу, возлюбленная рядом,-
Я в памяти всё это сберегу.

И конфетти цветного листопада,
Как след дневной ночного звездопада,
И броситься к ногам твоим так рады
Сердца кленовых листьев на снегу.

В лесу уже пустынно так и гулко,
Как в космосе – осенняя прогулка,
Деревья без листвы тысячеруко
Приветствуют небесный наш союз.

И в памяти далёкое всё всплыло.
А, кажется, недавно это было.
И сердце отчего-то вдруг заныло,
Услышав листьев падающих блюз.

ДОЖДЬ

Этот дождь, словно шепот о прошлом твоём,
Как жила без меня ты, объята огнём.
Я не рад был смешной баламутной весне,
Я тебя осызал так правдиво во сне.

Сколько чувств неизлитых судьба унесла.
Где ж ты раньше была, где была?
И сегодня, внимая слепому дождю,
Я чего-то все жду, ещё жду.

В мельтешащем полёте событий и вех
Первый холод придёт, и придёт первый снег.
Может, ты никогда ни на миг не придёшь –
– А пока... этот шепчущий дождь.

ЭФЕС

Сколько раз из руин ты воскрес
И не раз возрождался из пепла,
Амазонок столица – Эфес –
И исправный служитель Кибелы!

Чудо света – волнующий храм
Артемиды, известный по праву
И услодой красую глазам,
И лихой геростратовой славой.

Илиаду слагал здесь Гомер,
Македонский – для крепости стены.
Видел амфитеатра партер
Из Нерона кровавые сцены.

Всё Эгейское море держал
От Эфеса до Крита, Родоса
Флага чёрного контрадмирал
Кровожадный пират Барбаросса.

Цвет героев земных и богов –
Их деяния неповторимы.
Здесь творил Иоанн Богослов
И жила Богоматерь Мария.

Твои жители, гордый Эфес,
Были духом и телом гиганты.
Каждый камень несёт в себе весть
Легендарной эпохи атлантов.

ГРУСТНАЯ ОСЕНЬ

Осень нам улыбалась грустно,
И желтела листва, рябя.
Очень странно и очень глупо
Я обидел сегодня тебя.

Осень хитро под шкурой лисьей
Наготове дожди таит.
Безудержно, как падают листья,
Тихо падают слёзы твои.

Осень солнышком не богата,
Щедро сыплет не радость, а грусть.
Непростительно виноват я,
И терзаюсь теперь и казнюсь.

Осень хмуро затучила дали,
Сразу стало на свете тесней.
Мы дороже друг другу стали,
Оттого и обида больней.

Осень спит, будто в тёплом затишье,
Но однажды проснётся в снегу.
Ты добра и, наверно, простишь меня,
Только сам я простить не смогу.

СИРТАКИ О КИПРЕ

Мандолина

Начинает «Сиртаки»

певучим щипком-шепотком,

Афродита.

Здесь рождённая,

в круг завернёт ветерком.

Кипарисы,

В такт качая султанами,

строятся в ряд,

И капризно

Золотыми серьгами цыганки

бананы горят.

Вторят волны,

Жемчугами осыпав

гирлянды прибрежных цветов.

Белый город

Белым амфитеатром

смотреть представление готов.

Белый парус

Над волнами танцует

и чувствует власть,

Видно пафос

Правит островом,

мощь ощущая и страсть.

Для героев,

Для бессмертных героев

Троянской войны

БЕРЁЗКА

По осеннему лесу иду.
Словно краски, смешались чувства.
Отразилась берёзка в пруду.
Отчего-то сегодня ей грустно.

Время так незаметно течёт –
В суете не уловишь движенья:
И берёзке который уж год
Не по нраву её отраженье.

Не узнать тех распущенных кос.
На коре, словно раны, морщины.
Что за ветер? Когда он унёс
Светлый образ с улыбкой невинной?

И влюблялась не раз и не два,
И любима была окруженьем.
Что ж в воде так седа голова?
Взгляды юные тоже – всё мимо...

А в душе-то ещё молода.
В мыслях нет заскорузлой коросты.
Только в зеркале стылом пруда
На свои не похожа отrostки.

ГЕРАТ

Древний великий и гордый Герат!
Из-под чалмы куполов – строгий взгляд.
Здесь с ишаком своим верным бродил
Вечный насмешник – Ходжа Насреддин.

Звёзды горят, словно песни любви
Те, что слагал здесь поэт Навои.
Древних дувалов пыльная тишь
Курит веков неподвижных гашиш.

Старый отшельник, Герат мой, проснись, –
Ждёт у порога рассветная жизнь.
Платит земля людям щедро за труд.
Слёзы не должен глотать Герируд*.

Город,ними темноты паранджу,
На красоту твою, дай, погляжу.
В тайных разбоях себе ты не рад,
Старый и скорбный Герат.

* Герируд – река в Герате.

ОСЕНЬ В ГЕРАТЕ

Осень, осень моя,
Ты меня не нашла,
В этот год не нашла,
Но спасибо, что не разуверилась:
Праздник бросила свой,
Ворожбу и дела
И, срывая наряды,
Сбежала ты с Севера.

Хочет встречи с тобой
Ветер в песни облечь.
И на каждом листочке – портрет твой.
Серебристой косынкой,
Сорвавшейся с плеч,
Стая грустным изломом
Прощается с летом.

Где-то – в праве зима,
Здесь – у лета излёт,
Но я слышу родное дыханье.
Не изменишь ты мне
И который уж год,
Как девчонка,
Придёшь на свиданье.

АЗАН

Ночь прощается с Кабулом,
Нарождаются лучи,
С минарета звонко будит
Правоверных азанчи.

В звуках зычного азана –
Заклинанье от беды,
Боль и скорбь Востока, раны
И надежды бедноты,

Просьбы жаркие к Аллаху
Отпущения грехов,
Песнь о предках, что во прахе,
И к молитве первой зов.

Ветерок подул в оконца,
Свет неярких звезд потух.
И – служитель культа Солнца –
Свой азан поёт петух!

Но гремит победным залпом
Революции азан –
И с надеждой смотрит в завтра
Молодой Афганистан!

ТУМАН

На полотне тумана вытканы
Узоры лёгкие, как дым.
И осень солнечные блики
Шитьём выводит золотым.

Вот – стёжкой проступили ёлки,
Сердечками – листва осин,
Кустов весёлые метёлки,
И бисер огненных рябин.

Вдруг перед взглядом удивлённым
Расправился рушник реки –
Макушки отразились клёнов,
Как с полотенца петухи.

А солнце набирает силу,
Туман таинственный исчез –
Уже ожившею картиной
Сам по себе пылает лес.

От печальных лачуг
до строений высотных
Меняется профиль.
Пахнет город цветами,
работой и потом,
И жаренным кофе.

Ребятишки гоняют
свой тряпочный мячик –
Глазёнки, как угли.
И взгляд восхищённый
порою не спрячешь
От красавицы смуглой.

Петухи по утрам
клюют небо дружно –
Пробивается лучик.
Не под арфу ль Давида
кладёт свою душу
Город певучий.

В школу дружно идут
от мала до велика,
Словно за хлебом.
Пробивается к солнцу цветком,
к лучшей жизни
Аддис-Абеба.

ШЕСТИДЕСЯТАЯ ОСЕНЬ

Который день подряд
Роскошный свой наряд
Меняешь, находясь в огне эмоций.
Наивна и щедра
Ты под ноги ветрам
И золото швыряешь и червонцы.

Чтоб праздник свой продлить
И мир весь удивить,
Со временем ли хочешь побороться?
И золотой запас
Весь прокутить за раз,
Пока зимы не звякнут колокольца.

Мне взгляд со слёзкой люб
И влажность твоих губ,
Безумство разноцветного круженья.
И мысли на лету
Тревожные гнетут:
А встречам суждено ли продолженье?

Давно не молодой
И по годам седой –
Какие могут быть тут комплименты?
С тобой уж не летать,
Но годы вспять опять
Прносятся в мгновенье кинолентой...

БУЗУКИ

По скульптурам знакомые руки,
Вдруг ожив, оживили и нас:
Не спеша, начинают бузуки
Об истории греческой сказ.

О философах, славных героях,
О Республике в бурных веках,
Легендарной воинственной Трое
И искусства золотых образцах.

О, державы морской одиссея!
Освоенье чужих берегов:
Крым, Кавказ, ну и дальше, на Север –
До московских палат и дворцов.

Имена живописцев находим:
Дионисий и грек Феофан,
Праотцы – и Кирилл и Мефодий,
И духовник царя Киприян.

Хоть всегда были цепки и стойки
Боевые Эллады сыны,
Но предстала и им перестройка
Пострашнее Троянской войны.

Погнала их, как многих, по свету
Жизнь с насиженных мест мирных дней –
Через долгие тысячелетья
Возвратился домой Одиссей.

Он глядит на забытые горы –
Детство предков так было давно.
Словно дань колыбельному морю –
Лучших шуб золотое руно.

Греки русские, радуя души,
С нами могут петь хоть до утра.
И слышна вдруг в «Сиртаки» «Катюша»
И известные всем «...вечера».

После первых стаканов – уж проще,
Легче сердца непрошенный груз:
Тост за Родину, Красную площадь,
Ностальгия за бывший Союз...

В удивлённых глазах их – разлука,
Обращается в прошлое взгляд.
И вибрируют струны бузуки,
Потерявшие внутренний лад.

Есть у них все, как в Греции, вроде бы,
Но чего-то так сильно им жаль:
По далёкой утраченной Родине
Не скрывают бузуки печаль.

ДОРОЖНАЯ СУЕТА

Дорожной суеты знакомые моменты:
Билеты, паспорта, уложенный багаж.
Ещё всё – здесь, но сердце – уже где-то,
Спеша, маршрут прокладывает наш.

Длинные до отправления минуты,
Но тем сладка предстартовая дрожь,
Что даже и от старого маршрута
Каких-то новых ощущений ждёшь.

КРЫША

Прохудился мой дом:
Проливает дождём
Обветшавшую крышу и стены.
Ветер рыскает в нём
Тёмной ночью и днём,
И эфира не ловит антенна.

Это всё – не беда:
Чуть ума и труда –
И у печки сумеем согреться.
Мы поправим дела,
Лишь была бы цела
Крыша в жизни любимого сердца.

ВЕСНА-ОСЕНЬ

Может, слишком – сказать,
Что весну не люблю.
Но она мне дурнушкой кажется:
Не поймёшь в ней закат,
Не поймёшь в ней зарю, –
Всеми красками глупая мажется.

Из-под каменных стен,
Изо всяких щелей
Всё зелёными смотрит глазищами,
Заплетаёт смешные косички ветвей,
Красит губы помадою-вишнею.

То смеётся ручьём,
То зальётся дождём,
То травинкою тонкой ломается,
Опаляет надежды беспечным огнём
И сама же потом горько кается.

Мне спокойная осень намного милей –
Серо-синее с жёлтым пространство.
Пусть грустна чуть пора
листопада, дождей,
Но в осенних дождях – постоянство.

МУЗЫКА ЗОДЧЕСТВА ХОРВАТИИ

Моря ли шум подарил наваждение,
Снов ли провидческих то порожденье –
Мрамор резной, черепица, гранит
Музыкою мозаичной звучит.

Разных эпох одержимые зодчие
Неповторимый свой след напорочили.
Сплав их фантазии и мастерства
Магией славит молва.

Вот, по ступенькам, как нотные знаки,
В горы взбираются в ритме «Сиртаки»
Стройные башни, дворцы и дома.
С ними природа сама.

Крыш черепичных юбчонки – ну надо же! –
Кружатся, будто подхвачены «Чардашем».
Город – ожившие тысяча сцен
Для Фигаро и Кармен.

И трубадуры по улиц расщелинам
Сколько сердец разбудили распевами!
Отзвук их – в ратных делах
И на старинных гербах.

Как здесь созвучны различные стили!
Слышит балкон серенады Севильи,
Венецианских каналов не счесть:
В них – гондольерская песнь.

Улиц мощёных блестящие плиты
Маршами римских солдат знамениты.
И на камнях у воды
Есть крестоносцев следы.

В воду сбегая, ступени пропели
Огненный танец и песнь «Тарантеллу».
И мандолина под аркой ворот
Снова в Сорренто зовёт.

Пусть твой рассвет никогда не закатится,
Людам все так же звучи, Адриатика.
Мир тебе, потом возделанный рай,
Струнами сердца играй!

AUTUMN

Autumn, autumn is my love!
Autumn is the best live half!
In the autumn I am ill.
This time is – for fresh new feels.

Autumn day is not me gloomy,
Autumn in my heart is woman.
I shall not say her: «Enough!»
Always she is staying love.

Leaves are yellow,
Leaves are red,
It's not snowing here yet.
This time of year gave me new:
In the autumn I met You!

Always We enjoy by weather,
If We are again together.
Autumn leaves us for long way...
Come again! Come!
I shall waite!

КАПИТАН

Капитан – здоровенный детина –
Седогривый щербатый хорват,
Намотавший за жизнь свою мили,
Речь услышать был русскую рад.

Сразу вспомнил о друге советском...
Разрумянился – будто ожил:
Сухогруз он водил до Одессы,
До Батуми под парусом плыл.

Побывал а Самарканде, в Калуге,
На Камчатке, в Баку и в Крыму.
Но давно уж не слышал о друге –
Нынче рейсы совсем не к нему.

Не в фуражке – в соломенной шляпе –
Видно, к ней уж давно попривык –
На баркасе туристов за плату
Возит он на рыбацкий пикник.

Сам штурвалит, кидает швартовы,
Травит шутки и травит канат.
На списавший режим его новый
Обижается старый хорват.

И на нас обижается тоже –
И обид его тяжек так груз –
«Что Вы сделали! Как было можно
Потерять столь великий Союз?

Ведь не знаешь, кому уже верить –
Беспросветность такая, хоть вой:
Нас не просто списали на берег –
Нас списали из жизни самой!»

Что сказать? Я молчу и киваю.
Не спрошу, хоть спросить не боюсь:
Отчего, кровь свою проливая,
Югославский распался союз?

ПЕПЕЛ ЗОЛОТОЙ

Налетала, поджигала.
Вихрем мчалась по лесам.
И горели долго дали,
Свет и грусть даря глазам.

И ушла, помчалась дальше
По лесам чинить разбой
Огненная атаманша,
Вслед за нею – дым трубой.

Стонет ветер, что-то ищет –
След красавицы ли той,
Но остался на кострище
Только пепел золотой.

ХОРВАТИЯ

Песнь восхищенья для Вас не нова!
Через столетья плывут острова:
Так хороводит Хорватия –
Ясный венок Адриатики.

На перекрестке торговых путей,
Пыльных дорог и штормящих морей
В тысячелетях Хорватия
В разных бывала объятиях.

Греков античность и Римский расцвет
Яркий потомкам оставили след,
Но покорила Хорватию
Сердцем славянская братия.

Всё, что трудом нарождается в ней,
Щедро всегда одаряет гостей.
Хвала, спасибо и грация,
До виджения, Хорватия!

ДОЖДЬ В ДОРОГУ

Дождь покапал на дорожку –
Говорят – хороший знак.
А на сердце всё ж тревожно –
Что-то, видимо, не так,

Если сразу все напасти
Навестить тебя пришли,
Если рвут тебя на части
Слуги неба и земли.

Если даже и разлука
Раньше времени пришла,
Опускаешь тяжко руки,
И не клятся дела.

Вместе с вами и мечтанья
На вокзал я отвезу.
Дождь покапал на прощанье,
Чтобы скрыть мою слезу.

ДРУЗЬЯ

Друзья, укутайтесь в плащи –
Наш путь ещё далёк.
Бродяга-ветер, не свищи
В развилине дорог.

Подозревать мы не могли,
Как будет путь далёк:
Нас ждали разные пути
И тысяча дорог.

У нас один девиз: «Вперёд!».
Сумели мы дерзнуть:
Не путь по жизни нас ведёт –
Мы сами держим путь.

Добро мы видели и зло,
Встречали тьму людей.
Но нам, наверно, повезло
При выборе друзей.

Ещё пытаемся расти
И движемся вперёд.
Чем дольше мы, друзья, в пути,
Тем дальше горизонт.

ТАРАНТЕЛЛА О РИМЕ

О! Как звучание Рима мажорно:
Воздух насыщен певучим «Бонжорно!»,
Будто бы песнею чистой задорной,
Как посетившая в жизни мечта.

Гордо глядит на владения Форум,
И колоннада, подобная хору,
Мощно о вечной любви, об «аморе»
Нам декламирует – красота!

Город роскошный, немного нескромный.
Улицы длинные, как макароны,
Как панталоны у этой матроны, –
Вобщем, богатство и простота.

Вот, синьорина прекрасная – «белла»
С быстрой походкою, как тарантелла,
Ликом с волшебных картин Ботичелли,
В ней – непосредственность и чистота.

Все от рождения здесь музыканты –
На площадях не смолкает «бельканто»,
Видно, в крови животворное Кьянти
Будит таланты их неспроста.

Всё переменчиво, непостоянно
Вплоть от «фортиссимо» и до «пьяно».
Грация линий и форм без изъяна –
Избраны Богом эти места!

Чувства взрываются, словно Везувий,
Для сладострастия и для безумий.
Сердце «аллегро» и без раздумий
Рвётся к любви, словно в рая врата.

Столбик за солнышком тянется ртути,
И впечатлений обвальное «тутти»
Ошеломляет до сладостной жути.
Грация, Рома!
Будь феличита!

ЛЕС

Прозрачен лес в предчувствии листвы,
Ещё не залит он волной зелёной,
И не укрыло облако травы
Созвездий прошлогодних листьев клёна.

Лишь где-то там, в неясной глубине,
Как в глубине таинственного неба,
Горящая в серебряном огне,
Живая на ветру, туманность вербы.

Стволы берёз натянуто прямы,
Как струны тысячеголосой лиры.
Ударит солнце, и услышим мы
Песнь древнюю о сотвореньи мира.

ЛИЦА

Бывает такое!
Ну, надо ж такому присниться:
Встречают улыбки меня и весёлые лица.
Десятки приветствий
и разных благих пожеланий,
Как будто бы мне они
чем-то весьма благодарны.

Что надо им всем?
Не подкупа ль это попытка?
Уж столько тепла и вниманья –
Да это же пытка!
«Подвох ли какой?» –
Размышляю, душою набычась,
А сам улыбаюсь,
блюдя этот странный обычай.

Я день изо дня
их намеренья вызнать пытаюсь,
И сам незаметно –
не только в ответ – улыбаюсь.
Улыбка – пожалуй –
души отраженье народа.
Не в этом ли смысл
гениальной улыбки Джоконды?

Державный народ –
И сами мы шиты не лыком,
И все у нас есть
 кроме доброй счастливой улыбки.

Кого б обругать –
Так это мы быстро и пылко,
А так – всё – насмешка и ржачка,
 усмешка, ухмылка...

Ну, разве встречаются рядом
 с улыбкою лица
Гаишника, дворника, вора,
 судьи, продавщицы?
А сами, замотаны сменами,
 играми власти,
Хотя бы друзьям улыбаемся ль часто?

Я слышу: «Привет и Хэлоу,
 Гутен морген, Бонджорно!»
С утра и до вечера
 вместо ругательств заборных.
И, как оказалось,
 что это как раз и не снится,
Что это – обычная явь – за границей...

ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ

«Перед Вами – Пизанская башня,
Наклонившись однажды так страшно,
Всё же держится так много лет,
Словно раненый в схватке атлет».

Ей так много нам высказать хочется...
Переводит взахлёб переводчица,
Переводчица – русская девушка,
Что когда-то сбежала за денежкой.

Про чужие поведав красоты,
Грусть не прячет в глазах отчего-то.
Ах, беда ли её иль вина,
Что вся жизнь её наклонена?

Как родным, выливает обиды:
Русских здесь не берут даже в гиды.
Но своих-то услышать так хочется –
Вот и ходит она переводчицей.

Так страдает за прошлые дни:
«Там ведь предки остались одни.
Да, конечно, они всё простили.
Их уж нет, но остались могилы...»

В честь родителей названы дети –
Фил и Джулия, но разве этим...
Сердце вдруг от разлуки так скорчится!»
Продолжает рассказ переводчица:

«Если встанете здесь на колени,
То супруг целый день не изменит.
Я протёрла колени все, да,
Помогает же мне не всегда.

Двадцать лет как мы с мужем женаты.
Дом есть, дети – живём мы богато.
Но так часто ничто уж не радует.
Я, как Башня, всё падаю, падаю!

Здесь красиво:
 скульптуры
и портики,
 Но и
 всё-таки,
всё-таки,
всё-таки...»

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

А вот он и дождик!
Так славно идёт
По лужам весёлой походкой.
Порой головою до туч достаёт,
Вздыхая, мол: «Ну и погодка!».

Но он и лучам потесниться готов:
С дождинками солнышко брызнет,
Чтоб было в сезоне побольше грибов
И больше, конечно же, жизни!

БУДАПЕШТ

Йо напот киванок, Буда!*
Йо напот киванок, Пешт!
От такого буйства чуда
Поначалу я опешил.

Трудовой, торговый, праздный –
И роскошный, и простой,
Многоликий город, разный,
Со свободной красотой.

Будто бы «орёл» и «решка»,
Непохожи, но притом
Неразлучны Буда с Пештом,
Им История – мостом.

Связь времен благих и грозных,
Сохраняя, чтят они, –
И стоят в соседстве в бронзе
Бунтари и короли.

Тьму копыт в волнах омыли,
Чтоб исчезнуть навсегда,
Римляне, войска Аттилы,
И авары, и Орда...

* «Йо напот киванок» – добрый день.

Сорок лет страницам мира,
Но порой еще видны
Строчки разного калибра
На домах – следы войны.

Над рекою дышит Буда,
Волю дав своим холмам,
Будто бы мадьярка груди,
Подставляет их лучам.

В танце талиею голой
Город обхватил Дунай.
Кружит Пешт цветным подолом,
В лоскутах – цыганский рай.

Восхищённый и печальный
В памяти везу с собой
Бодрость бани минеральной,
Бег подземки вековой.

Никогда я не забуду,
Не возрадив, для встреч надежд,
И тебя, прохладный Буда,
И тебя, горячий Пешт!

СЕЗОНЫ

Мы мечтали о солнце,
В окошко глаза с утра.
И пришла неожиданно
К нам аномально жара
С полыхающим солнцем,
С сожжённой до пепла травой,
С высыханием рек
И с пожаром над целой страной.

Так погода капризна –
Комфорта от неба не жди:
Затянули занудные,
Так уж некстати, дожди.
И не верится: « Вправду ль
Жара та была?»
Под дождём этим мерзким
Вдруг так захотелось тепла.

Мы живём в непокое –
Смятенье давно уж в душе.
Так – богатство утратив,
Мечтаешь хотя б о гроше.
И желаешь, ненастье
Встречая со многих сторон,
Чтоб в сердцах продолжался
Налаженной жизни сезон.

ПОЛЬСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Вступает грусть,
Вступает вальс
Степенно –
Про сердца груз
Простой рассказ
Шопена.
Мелодий плеск,
Как над волною
Пена,
Жемчужин бег,
Дрожанье век
В слезах.

Бегут года,
И в нём кричат
Тем больше
Его тоска,
Его печаль
По Польше.
И льются, будто бы алмазный дождик,
На тех оставленных навек полях.

А грусть его не утолишь
Наградой.
И суеты твоей, Париж,
Не надо.
Мерцают трелями его баллады,
Как мириады над Варшавой звёзд.

Бьют молоточки, словно пульс, по струнам.
Как глубоки его миниатюры,
Возвышенны ажурные ноктюрны, –
Доходят сразу до сердец и слёз.

Души, любовью обожжённой, срезы –
Чувств изливают море – полонезы.
И из-под клавиш извлекает нежность
Изящных вальсов тонкий ювелир.

Как песни матери над колыбелью,
Сонат прозрачных чистые капли.
Гармоний исцеляющее зелье –
Шопена музыкальный эликсир.

* * *

Чувства бегут по клавишам,
Клавишам, клавишам.
Свету всему ты нравишься –
Искры в глазах.
Вальсы Шопена кружатся,
Кружатся, кружатся.
Души сольются суженых
На небесах!

ДОРОГА

Какое блаженство – дорога –
От злой суеты отдохнуть.
За шквалом вокзальных порогов
Покоем нам кажется путь.
Горят горожане безвинно
В налаженном ими аду.
И схема метро паутиной
Поймать норовит на ходу.
В тревоге от вечного гуда
Живёт человек на лету.
Крадут городские «бермуды»
Сердечность, покой, доброту.
Круженье подобно крушенью,
И качкой морской – этажи.
Не броуновским ли движеньем
Расчерчена вся наша жизнь?
Нет всеочищающей мессы,
И некому выслушать боль.
Ансамбли, как нервные стрессы,
С невидимым чудищем бой.
За корочку, за Христа ради
Брёл с песней когда-то слепой –
Теперь за душевностью надо б
Милльонам – по свету с сумой.
Какое блаженство – дороги,
Как красные строки в судьбе,
Прошепчут, прогикают: «Трогай!
В дорогу, в дорогу к себе!».

МАЛЕНЬКАЯ
НОЧНАЯ СЕРЕНАДА МОЦАРТА

Чтоб поразить свою невесту,
Привёл он маленький оркестрик
Порой ночью под балкон –
Поведать песней, что влюблён.

Удивлена и будет рада
Она услышать серенаду:
Её растрогает до слёз
Волшебной флейты виртуоз.

Галантных трелей комплименты
Рассыпят щедро инструменты.
Летит в заветное окно
Смычков восторженное «О-О-О!»

Секундных тремоло и терций
Трепещут, как живое сердце,
Канцоной страстной из груди:
«Приди, о, милая! Приди!».

На зависть Фигаро сыграть бы
С ней феерическую свадьбу!
Но за природный лёгкий нрав
Его не жалует так Граф.

Укутав суженую шалью,
Украсть бы мог и из Серая.

Влюблён опять он и любим, –
В нём Дон Жуан неистребим.

Ещё он молодостью дышит.
Не скоро Реквием напишет
И час услышит роковой
В симфонии Сороковой...

ОРКЕСТР

Настраивает струны
Невидимый оркестр.
Все голоса июня
Притихли вдруг окрест.

И грянула соната
Стремительно, как вихрь,
Под мощные раскаты
И кличи духовых.

И звуки проливались,
Печали не тая.
Никто не догадался,
Что та печаль – моя.

Замолкли инструменты.
Мгновенье погоды –
Листвы аплодисменты,
Овации дождя.

ЛЕЙТМОТИВ ЧАЙКОВСКОГО
(VI симфония)

Когда-то не сошлись у них пути...
А, может, нужных слов не смог найти?
Жизнь протекает,
Но не смолкает
Вот только этот светлый лейтмотив.

В холодном мире и невзгод, и зла
Не знал он преданной любви тепла.
В звуках высоких,
Но одиноко
Одна дарованная жизнь прошла.

Не знает имени никто её.
Но не грозит в веках ей забытьё,
Если сверкая
И не смолкая
Святая музыка о ней поёт.

ОСЕННИЕ ЗАПИСКИ

Вот лес опустел. Стало холодно в мире,
Как будто бы осень ушла из квартиры,
Где был обжитой и красивый уют.
Ещё на кустах довядают букеты
На зависть иным умудрённым эстетам,
Но птицы им гимны уже не поют.

Печаль навевает по лесу прогулка,
Когда одиноко, пустынно и гулко –
Не весел всегда вдруг покинутый дом.
И в пятнах стволы, как обоев обрывки,
Раскиданы листья – записок отрывки,
Листва под ногами – потёртым ковром.

За щёки щипая уже не на шутку,
Пруда постояльцам, отчаянным уткам
Морозец из брызг налепил леденцов.
Вверх дном перевёрнуты летние лодки –
В сезон навигации этой короткой
Заветных достичь не смогли берегов.

Скрипят на ветру – не летают – качели.
Не кружатся в танце зверей карусели –
И осень, и парк свой закрыли сезон.
Как пылью, покрыло всё снежной порошей –
Пора надевать нам на обувь галоши,
А может, и на сердце – тоже резон.

РОДОВОЕ ДРЕВО

Сам – татарин, русский – сын,
Внук рождён в Австралии.
Будет правнук гражданин
Марса? И так далее..

Для кого-то, может, странно –
Отзывались – ночь-полночь –
Люди: «Сын ты Сулеймана?
Чем – скажи – тебе помочь?»

Языком общенья даром
Обладал он. А теперь
И при имени Хайдара
Отворяют люди дверь.

Сын трудом за морем дальним –
Уважения причал.
Ещё в детстве «помогальник»
Сам себя он называл.

Внук! Как все тебя встречают!
Как внимательны врачи!
В жизни всё ведь не случайно –
Тот язык и ты учи.

Посмотри на наше древо –
Сколько славных там имён!
Там татарская деревня
Незапамятных времён.

Их уроки не забыты –
До сих пор добро творят.
И встречаются в молитве
Их «салям» и наш «рахмят».

Можешь ими ты гордиться:
Дед и пра, и пра-прадед
Жили так, чтоб не стыдиться
Мог ты через сотню лет.

Чтоб от сердца, не жалея,
Предлагали кров и хлеб
Сыну славному Андрея
Со словами: «May I help?»

Чтоб с готовностью forever
Внуки и твои могли
Словом отвечать и делом
На: «To be or not to be?»

КУРОРТ АЛБЕНА

Затянулся курортный роман...
Он не первый сезон продолжается.
Значит срок для любви еще дан,
Если силы её возрождаются.

Для меня ничего ей не жалко –
Каждый раз одаряет подарком:
Морем ласковым, солнышком жарким
Обнимает при встрече болгарка.

Угощает вином и плодами
И подносит созревшие гроздья.
Юной девой, прекрасною дамой
Восхищает влюблённого гостя.

Обжигает горячим дыханьем
И сама же те ранки мне лечит.
С первой встречи боясь расставанья,
Расставаясь, готовлюсь я к встрече.

То игриво толкнёт на песок,
То обдаст шаловливо волною.
Мой серебряный видя висок,
Не смеётся ль она надо мною?

Рядом с ней молодею и сам,
Пока солнце еще не погасло.
По ночам, по волшебным ночам
Пахнут волосы розовым маслом.

Оживают античные мифы,
Прозвучав в шуме вечного моря.
Человечества возраст счастливый
Процветал здесь, с историей спора.

Афродиты прекрасной рожденье
Вновь творится из розовой пены.
Это дарит опять наважденье
Мне на память болгарка АЛБЕНА.

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Как алый парус осень за окном
Зовёт меня с собою моряком
Избороздить шуршащую листву,
Догнать на горизонте синеву.

Стоят деревья мачтами в порту,
Туманы, словно грузчики, в поту,
Надраена дождями листьев медь –
Готово всё, чтоб завтра улететь.

Твоё отплытье, осень очень близко,
Природа станет как пустая пристань.
О, как мне расставаться тяжело.
На год с тобой, красавица, прощаюсь,
Я жду тебя, скорее возвращайся,
Ведь я люблю,
Люблю тебя светло!

БАЛЧИК

Сын труда и сын удачи,
Не юнец, но полон сил
Загорелый город Балчик –
Черноморский старожил.

Из волны крутой, из моря,
Приложив ума рукам,
Он карабкается в гору
По террасам – по векам.

В черепичном малахае
С виноградным козырьком
По спиралям улиц райских
Он слетает кувырком.

От причудливых строений –
От сарая до дворца –
Создается впечатленье
Добродушного лица.

Вот – фонтан позеленевший
В кружевах арабских букв.
Ишачок – трудяга здешний –
Тянет бричку без потуг.

Как болгарин старый, аист
Сел задумчиво на тын.
Сколько он принёс, стараясь,
Греков, турок и румын!

Здесь, у мыса Калиакра,
Проявляя ратный раж,
Брал турецкую эскадру
Ушаков на абордаж.

Словно в латы облачённый
Купол храма держит крест.
Как тюрбан у звездочета,
В небо смотрит минарет.

Призывает над раздольем
Христиан и мусульман
Звон – к обедне – колокольный,
На намаз святой – азан.

Городок незнаменитый,
Дух и плоть творящий сам,
Отправляет и молитвы,
И по морю паруса.

ИСТИНА

Странствуя по знаниям и по свету,
Открываешь ежедневно мир.
Истина потребна человеку
Так же, как слепому – поводырь.

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Первый дождь по осени –
Карнавал зонтов,
Сказочная поросоль
Тысячи цветов.

Первый дождь по осени –
Листьев карнавал,
Красок, в грязь которые
Ты и я втоптал.

Первый дождь по осени –
Мыслей карнавал.
Вот они проносятся:
Радость и печаль.

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ

Не ради славы и регалий
Не раз спасли Вас от врагов.
Ах, где же Вы теперь, другари?
Не видно Ваших берегов.

Европа держит Вас, как мушку,
Беря Россию на прицел.
Куда путь держите, братушки?
В войне никто не будет цел.

Потомкам Пушкина и Вазова
«Пророк славянский» дал ответ,
Что все мы – братья Карамазовы:
Согласья между нами нет.

Над нами в этот век жестокий
Пролился охлажденья дождь.
Большой Истории уроки
Не помнит нынче молодёжь.

А в перестроечном угаре
Союз разрушив поскорей,
Российские демкомиссары
Немало кинули друзей.

И, видя новые распятыя,
Не помышляя предавать,
Иные бросились в объятья
Чужие, чтобы выживать.

Едины общими корнями.
Должны друг другу помогать,
Чтоб старый возглас: «Гей, славяне!»
Над нами прозвучал опять!

ВОСКРЕШЕНЬЕ ОСЕНИ

Сквозь зелень пробивается твой лик –
Наследницы, которой нет богаче.
И уходя последнею с земли,
То улыбнёшься ясно, то заплачешь.

Как будто дева покидаешь дом,
Идя к венцу в красе своей и славе,
А ждёт тебя, объятую огнём,
Вслед за фатою первоснежья саван.

Красивая, умрёшь ещё не раз.
И лишь одно мне будет утешеньем –
Святая вера, что придет твой час
Чудесного, как в сказке, воскрешенья.

ДОРОГА К ТУКАЮ

Хоть давно стремлюсь в Казань я,
Не доеду, не дойду.
Обрести мечтая знанья,
Встречи я с Тукаем жду.

Начат путь мой с колыбельной,
Нынче я – уже седой.
Но его стихи сумели
Мне сберечь язык родной.

Побывал умом в Кырлае,
С Шурале давно знаком.
Сквозь года я шёл к Тукаю
Песнями его влеком.

Как паломник, поклониться
Жаждал я святым местам:
Моё сердце не смирится,
Не побыл покуда там.

Но, наверное, известно
Лишь Аллаху одному –
Ехать мне за новой песней
Было рано – почему.

Вот – окрестности Казани
Показались вдалеке.
В памяти встаёт сказанье
О слезах Сюембике.

Так же вглядывался жадно
В даль неясную шакирд,
От судьбы не ожидая,
Что он будет знаменит.

Жизнь – короткая, как искры.
Тороплюсь – скорей, скорей!
Мчат меня по рельсам быстро
Пара тысяч лошадей.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

У гадалки узнав о грядущем ответ,
Обратился с мольбою к волхву человек:
«Перебрось, если в силах, меня на Луну –
Может быть, в этот раз я судьбу обману».
А судьба удивлялась: который уж год
Что-то суженый к ней на Луну не идёт?

ЛУЧЕЗАРНАЯ КАЗАНЬ

С нас беря восторгов дань,
Радостно встречает рань
Светлым ликом, добрым делом
Обновлённая Казань.

Как завет от предков дан –
Пробуждающий азан:
Призывает деловую
И духовную Казань.

Самолёты, корабли,
Поездов, гостей прилив –
Всех приветствуют с почётом
Минареты Кул Шариф.

Верит смеху и слезам,
Для душевных ран – бальзам,
Привечает, утешает
Милосердная Казань.

Выпало за тыщу лет
Сколько радостей и бед!
То ль Восток здесь, то ли Запад
Ищут мудрецы ответ.

Хоть те дни и далеки,
Но порою у реки
Слышен, говорят, ночами
С башни плач Сюембеки.

Учат чистоты азам
Воды озера Кабан,
Украшают, отражают
Величавую Казань.

Вот уже сто с лишним лет
Сирота, шакирд, поэт
Будоражит нас стихами –
В каждом сердце его след.

Месяц вышел – алтын ай:
«Добрый город, засыпай!»
Мягкой поступью в ичигах
Ночь приходит, как бабай.

Не поверю я глазам,
Как приснится вновь Казань:
Сколько здесь сокровищ разных
И красот открыл Сезам!

ПИЛИГРИМЫ

Калики переходящие
Бродили по Руси.
Чего гонял их Боженька?
Поди, теперь спроси.

В дорогу выходили,
Не зная наперёд,
Когда назад
И кто из них придёт.

Неутомим
Шёл пилигрим
По разным землям,
По местам святым.

А нынче Домодедово
Диктует нам маршрут:
Не то, что делать нечего –
Дороги нас зовут.

Зовут они увидеть
Мир этот поскорей,
Познать себя,
Познать своих друзей.

Неистребим
В нас пилигрим:
В Австралию,
В Австралию летим!

ПЕСНЯ МАТРОСА КОРАБЛЯ ИНДЕВЕР

Каррамба!
Тысяча чертей!
Какой назвал тебя злодей
Однажды ТИХИМ?
Я повидал немало стран –
Бывает разве океан
Хоть пол дня тихим?

Я сам по норову не тих –
Срывался с трапов я крутых.
Но ты-то, Тихий,
Названия не оправдал
И очень скоро показал,
Какой ты дикий.

Трепали крепкие шторма,
И бесконечностью с ума
Сводил нас Тихий.
На суше я напьюсь вина –
В волнах солёных мы сполна
Хлебнули лиха.

А Кук – наш храбрый капитан:
Ему послушен океан –
Такой великий.
Который месяц нет земли,
Но что-то красное вдали
Открыл нам Тихий.

На берегу горят костры.
Не черти ль точат топоры? –
Страшны их крики.
Пусть наши души во грехах,
Не знавших в жизни слова страх,
Помянет Тихий.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Закатного пожарища угли,
И грохот волн, как мин плавучих взрывы.
Душа парит над краешком земли
Последнего Сиднейского залива.

Страшит и манит дикий океан,
Как космоса глухая бесконечность.
К обрыву прилепившийся платан
Шумит листвой о жизни скоротечной.

Какие здесь гигантские следы
Оставили трудом первопроходцы,
Вбирая от пустыни и воды
Пространство созидания под солнцем.

Как мало удаётся нам успеть,
Растрчивая жизнь на выживание.
А хочется ещё о многом спеть,
Не тратясь на последнее сказанье.

РИСУНОК АБОРИГЕНА

Австралия – в оранжевых веснушках –
Татуировкой солнечных лучей.
Абориген вложил когда-то душу
В портрет горячей родины своей.

Он выложил мозаикою гальку
И зубчатую обрамил волной.
В рисунок вплёл магические знаки
Движений танцев древних под луной.

Вот – божество ожившее как будто.
Услышать можно, как звенят на ней
Гирляндой феерической бусы
Из разноцветной радуги камней.

Непроходимость буша, скал отвесность,
Вод глубина, бескрайность берегов –
Звучат палитрой, мир рисуют песней,
Где много-много солнечных кругов.

Вот – линия лианой гибкой вьётся
И в кольца переходит, как змея,
Сверкает переливчато на солнце,
Как выпрыгнувшей рыбки чешуя.

Намечены одним простым движеньем
Бег страуса и кенгуру прыжки.
Запечатлели на века мгновенье
Художника весёлые мазки.

Чтоб будущее строилось бескровно,
Страна, глядя на предков добрый след,
Телесно очищаясь и духовно,
Похожей хочет стать на свой портрет.

СНЫ О СИДНЕЕ

Брожу во сне садами Марриквиля,
Вдоль речки Кука с внуками иду.
То ибисы свои расправят крылья,
То зычно загорланят какаду.

В цвету деревья, будто бы фонтаны
Из лепестков воздушных струи льют.
Как свадебный букетик – франжипани.
Зелёный, красный, голубой салют.

Благоуханье нежное разлито.
Мир на душе, надежда и покой.
С улыбкой доброй искреннею лица.
Ни толчеи, ни спешки никакой.

Быть может, и у нас когда-то будет
Любви и изобилья через край?
Завидуешь, когда по силам людям
При жизни для себя построить рай.

ПАВЛОВО-ПОСАДСКИЕ ПЛАТКИ

Осень птичьи собирает стаи.
Но ветрам колючим вопреки
Ласково красавиц обнимают
Павлово-посадские платки!

Всем богатством ярмарочных красок
Кружится осенний карнавал.
Кто же на платках пейзаж прекрасный
Кистью вдохновенной рисовал?

Здесь резьбы наличников узоры,
Вышивки затейной завитки,
Словно голоса в народном хоре –
Радостны, лучисты и легки.

В этих удивительных твореньях
Сердца ощущается полёт:
Кажется, листок живой осенний
Сам с платка, как с ветки, упадёт.

То пчела обманутая вьётся
В поисках нектара над платком.
То – глядишь – соловушка зальётся
Трелью, очарованный цветком.

Будто бы, письмом иконописца
На платках рассыпались, как встарь,
Охры пламя, киновари искры,
Томный кобальт, нежный голубарь.

То мотив восточный, то славянский,
Словно сокровенные мечты,
Детства изумляющие сказки,
Памятные юности цветы.

Как же мастерицам не гордиться,
Если сами с лёгкой их руки
Разлетелись дивно, словно птицы,
Павлово-посадские платки.

В них – уютно, как за чашкой чая, –
Столько в них и света, и тепла.
Может быть, и душу очищают,
Как хоромы с красного угла.

Пусть подольше добрых наших милых
Седина не трогает виски.
Согревают женщин всего мира
Павлово-посадские платки.

ВОСКРЕСЕНИЕ ЛЕСТНИЦЫ

Дел завершенье ль успешное,
Трудной дороги ль конец –
Щедрую лепту к «Успению»
Нёс благодарный купец.

Вверх, по тропинке с изломами,
Радый своим берегам,
Шёл со смиреньем паломника
К дому родному и в храм.

Он поднимался на «Блюдечко»,
Чтоб оглянуться назад:
Дали заокские чудные
Радуют душу и взгляд.

«Здравствуйте, травы медвяные,
Верный над городом свет!»
Лестницу, хоть деревянную,
Дал он построить обет.

Годы сменялись веками...
Лестница, что над Окой,
То деревянной, то каменной,
То возводилась стальной.

Детство далёкое чудится
И пароходов гудки.
В шумной пивнушке на «Блюдечке»
Вечно гудят мужики.

И попадались на удочку
Баек в питейном дыму
Про золотишко на блюдечке
И про страну Колыму.

Словно пропавшая без вести
В этих безумных годах
Где заблудилась ты, лестница?
Были в каких мы краях?

Пристани нет, пароходов, –
Всем-то нас век обделил.
Лишь на старинных офортах
Дамы – у белых перил.

Чудо ли? –
С кручи высокой,
Добрые славя дела,
Будто спускаясь к истокам,
Лестница вновь ожила!

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Вот и первый иней
Озарил рассвет.
В сахаре рябина –
Праздничный букет.

И кусты, пластично
Изогнув бока,
В позах фантастичных
Замерли пока.

В инее, озябнув,
С грустью о тепле
Разбрелись, как крабы,
Листья по земле.

Пруд под легким паром
Дышит глубоко,
Нежным плеском дарит
Музыку Садко.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Над Каширой – от Оки туман.
Перекличкой – звон колоколов.
Там, где взгляд коробили дома,
Золотые копна куполов.

Ни ущербных кривеньких дорог,
Ни заборов, латанных с ленцой.
Будто бы росой обильной Бог
Умывает города лицо.

На тумане, словно на холсте,
Может, нарисует Он лучом
Город в первозданной красоте,
Что по детским сказкам нам знаком,

Чтоб могли другим мы благо дать,
Освежив молитвою уста,
Ощущая эту благодать,
Жизнь продолжить с чистого листа.

ОСЕННЯЯ ДАЧА

Навалились тучи мрачно.
Птицы вдаль летят гурьбой.
Вслед за ними, видно, дачник
Собирается домой.

К расставанью дождик плачет:
Подтопил слезами плёс.
Плачет лес, и плачет дача
От печальных этих слёз.

И хоть пыл наш не растрочен,
Но осенние ветра,
Пролетая мимо дачи,
Нам кричат: «Пора! Пора!».

Может быть, не всё удачно
Летом складывалось здесь,
Всё равно встречает дача
С грустью о разлуке весть.

Потянулись дни, как клячи,
Навевая вялый сон.
Пролетел сезон наш дачный.
Вся-то жизнь – один сезон!

ЛЕСНОЕ

Входишь в лес, как в страну
старину колдовскую.
Здесь живет самый древний народ:
Дятел-плотник стучит,
и кукушка, тоскуя,
Свою вечную песню поет.

Под вуалью тончайшей
с дымком паутины,
Как невесточки, ели стоят.
Я порою срываю случайно небритой
Бородой их ажурный наряд.

Поднимаю бесстыдно я нижние ветки,
Как подол, у зеленых девиц.
И бывает, стоит совратитель отпетый –
В шляпу спрятав глаза, боровик.

Над тропинкой свисают горстями орехи
И густая листва, как шатер.
Небо синей водой тонко льется в прорехи,
Освещая лесной коридор.

Слышно: «Ку-ка-ре-ку»,
видно близко лесничий.
Здесь петух, как на море маяк.
Целым выводком мох
населили лисички,
Но корзины полны – пусть стоят.

Вот прошел, раздвигая клюкою траву,
С лубяным туюском старичок.
Еле слышно из чащи пропели: «Ау!»,
А ответил один лишь сверчок.

И выходишь из леса усталый слегка.
Кружит голову хвойный дурман.
Впереди режет взгляд голубая река.
За спиною – зеленый туман.

ПУТИ

Не грусти, хороший, не грусти.
Всех, тебя обидевших, прости.
Не копи на сердце горечь –
Разве этих переспоришь?
Разные у всех у нас пути.

И не ты, не я тому виной:
Не с тобой она, и не со мной.
Выбрала сама дорогу.
Выбрала и, слава Богу.
Значит, у неё был путь иной.

Кажется, порою: вот, чуть-чуть –
Сможешь к цели руку протянуть.
Но чем ближе плод желанный,
Спотыкаешься неожиданно.
Но ещё ведь не окончен путь.

ЯБЛОНЕВЫЙ РАЙ

Мест красивых много в мире,
Но один милее край, –
Называется Каширой
Этот яблоневый рай.

Колокольнями обильный
С чёрной братьей на крестах,
В гроздьях яблок молодильных
И в рябиновых кистях.

Песней горлицы докучной
Городок встречает рань.
И в окне, как солнца лучик,
Непременная герань.

В день ворвётся ветер пришлый
Так, что листья бросит в дрожь,
И ударит вдруг по крышам
Гулкий яблоневый дождь.

В городских названиях старых
Колорит особый свой:
«Платомойня» и «Пушкарка»,
Переулочек «Глухой».

«Спуск Колодезный» грохочет,
Обрываясь над рекой,
И бесщётные лопочут
Родники с живой водой.

На закате солнце ало
Заиграло над Окой, –
Будто яблочко упало
В воду с ветки золотой.

Льют куранты звон над дымом,
Речку бакены хранят.
И бесменно часовыми
Колоколенки стоят.

Загадать мечту успел я
В миг пленительный, когда,
Словно яблочко, слетела
С неба спелая звезда.

Разве, странствуя по миру,
Сердцу скажешь: «Выбирай!»
Ведь оно уже в Кашире
Обрело душевный рай.

ОДА ОСЕНИ

Ты мне являлась многоликой,
И я, зажжён твоим огнём,
Поймать твои пытался блики
Чеканкой, кистью и пером.

Но образ твой не украду я –
Он ускользает каждый раз,
Меняясь хитрою колдуньей
Быстрее, чем морганье глаз.

Ты прилетала к нам жар-птицей
И, оперением горя,
Бросалась наземь, чтоб разбиться
Об снег внезапный октября.

Как жду всегда я с нетерпением
Весёлой ярмарки твоей,
Когда леса с самозабвением
Пылают до последних дней.

Была ты девочкой-надеждой,
Подобной вспыхнувшей весне.
Все это прежде, это – прежде,
Но чисто, свято, как во сне.

Ты мне являешься палящей,
Что не спросивши, уведёт
Прекрасной женщиной грустящей
Уже который каждый год.

Всех чувств к тебе моих ревнивых
В стихи упрятать не смогу,
Но, вёсен сторонясь красивых,
Их для тебя лишь берегу.

Не повторить тебя картиной,
Ведь ты на тысячу ладов
Многообразна и едина,
Как настоящая любовь!

БЕЛЫЙ СВЕТ

Я посмотрел на белый свет,
И в ласковой дали
Я сотый раз узнал, что нет
Милей родной земли.

Встречал тепло я и привет,
Радущие людей,
Я сотый раз узнал, что нет
Верней моих друзей.

Наградной знак
Орден
«"Золотая осень"
им. С.А. Есенина»

Литературная Республика
Есенинский союз «Золотая осень»
Московская городская организация
Союза писателей России

Диплом

Литературно-общественной премии
«Золотая осень» им. С.А. Есенина»
с вручением одноимённого ордена

НАГРАЖДАЕТСЯ

БЕДРЕТДИНОВ
Хайдар Сулейманович

*За строгое следование традициям
великой русской поэзии*

Решение Наградной комиссии № 04

от «16» июля 2011 г.

Президент Литературной Республики

В.Г. Бояринов

СОДЕРЖАНИЕ

...Многообразна и едина, как настоящая любовь (Предисловие Алевтины Гришиной).....	3
Лесная ярмарка.....	5
Ветер странствий.....	6
Полёты осени.....	7
Покров на Нерли.....	8
Жухнут листья.....	9
Великий Новгород.....	10
Стрелы Амура.....	11
В путь.....	12
Ростов Великий.....	13
Листья горят.....	14
Город.....	15
Осенний храм.....	16
Свет Каширы.....	19
Даная.....	20
Зарайск.....	21
Осенний дождь.....	22
Осень в Абрамцево.....	23
Мытищи.....	24
Парад.....	25
Сон о Царицыне.....	26
Девочка-осень.....	28
Белая сказка.....	29
Купавна.....	31
Осень в Измайлово.....	32
Песня о Салтыковке.....	33

Восстанье.....	34
По грибы.....	35
Осень-цыганка.....	36
Песня о Москве.....	37
Проводы осени	38
Птичий рынок.....	39
Праздник	41
Пятиэтажные Черёмушки.....	42
Раставанье.....	43
Осень-соблазнительница	44
Измайловский вернисаж.....	45
Зодчество.....	46
Самородки	47
Сон ямщика	48
Осенний псалом	49
Парадный город	50
Осенний карнавал.....	51
Элегия о Кисловодске	52
Осень Патриарха	53
Жемчужина Кавказа.....	54
Почему	55
Живопись.....	56
Песнь о Нальчике.....	58
Дождливый привет.....	60
Кавказ.....	61
Красная Шапочка.....	64
Плато Бермамыт	65
Золотой ключик.....	66
Крымская степь	67
Опять она	69
Одесса.....	70
Зрелая осень	71

Крым.....	72
Позолоти	75
Евпатория.....	76
Осени медные трубы	79
Гроза в Крыму	80
Дни осенние.....	81
Сочи.....	82
Грусть осени.....	83
Песня о Воронеже	84
Ранняя осень	85
Песня о Пензе.....	86
Утро	87
Песня об Анапе.....	88
Момент расставанья.....	89
Ливадия	90
Предчувствие осени	91
Песня о Касимове.....	92
Последние листья.....	93
Дьюти фри.....	94
Осенняя Москва	96
Прощанье со знаменем	97
Кенигсберг	98
Здравствуй, осень.....	99
Сказ о Тульском самоваре.....	100
Осень	102
Песня о Риге	103
Ранний снег.....	104
Песня о Таллине	105
Память	106
Осенний свет.....	107
Город голубых куполов	108
Осенняя песня.....	111

День туркменского скакуна.....	113
Осеннее.....	115
Каспий.....	116
Красивая осень	117
Взлёт Баку	118
Осенний взгляд.....	119
Ворота востока.....	120
Бабье лето.....	122
Караван-сарай.....	123
Осенний привет.....	128
Гранатовый город Сиде.....	129
Ностальгия	131
Осенняя любовь	132
Поздние дни.....	133
Турки-месхетинцы.....	134
Поцелуй	135
Восточный базар	136
Блюз листьев	140
Дождь	141
Эфес.....	142
Грустная осень.....	143
Сиртаки о Кипре	144
Берёзка.....	146
Герат.....	147
Осень в Герате	148
Азан	149
Туман.....	150
Новый цветок.....	151
Шестидесятая осень	153
Бузуки	154
Дорожная суета	156
Крыша	156

Весна-осень.....	157
Музыка зодчества Хорватии	158
Autumn.....	160
Капитан	161
Пепел золотой	162
Хорватия.....	163
Дождь в дорогу	164
Друзья	165
Тарантелла о Риме.....	166
Лес	167
Лица.....	168
Пизанская башня	170
Грибной дождь	171
Будапешт	172
Сезоны	174
Польская фантазия	175
«Чувства бегут по клавишам...».....	176
Дорога	177
Маленькая ночная серенада Моцарта.....	178
Оркестр.....	179
Лейтмотив Чайковского	180
Осенние записки	181
Родовое древо.....	182
Курорт Албена	184
Осенний сонет	185
Балчик.....	186
Истина.....	187
Первый дождь	188
Болгария и Россия.....	188
Воскрешенье осени	190
Дорога к Тукаю	191
Неизбежность	192

Лучезарная Казань	193
Пилигримы	195
Песня матроса корабля Индевер.....	196
На краю земли.....	197
Рисунок аборигена.....	198
Сны о Сиднее	199
Павлово-посадские платки.....	200
Воскресение лестницы.....	202
Первый иней.....	204
Просветление	205
Осенняя дача	206
Лесное.....	207
Пути.....	208
Яблоневый рай.....	209
Ода осени	211
Белый свет.....	213

Для заметок

Для заметок

Литературно-художественное издание

Хайдар

Осенние странствия

Стихотворения

Книга издана в авторской редакции

author@haydar.ru

www.haydar.ru

Дизайн обложки – А.Б. Розанова

Компьютерная верстка – А.А. Корват

Подписано в печать 05.07.2013

Формат 70х90/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Усл. п. л. 7. Тираж 1000 экз.

Заказ № 254.

ISBN 978-5-91366-682-6

9 785913 666826

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва

ул. Большая Никитская, д. 50/5, стр. 1

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru